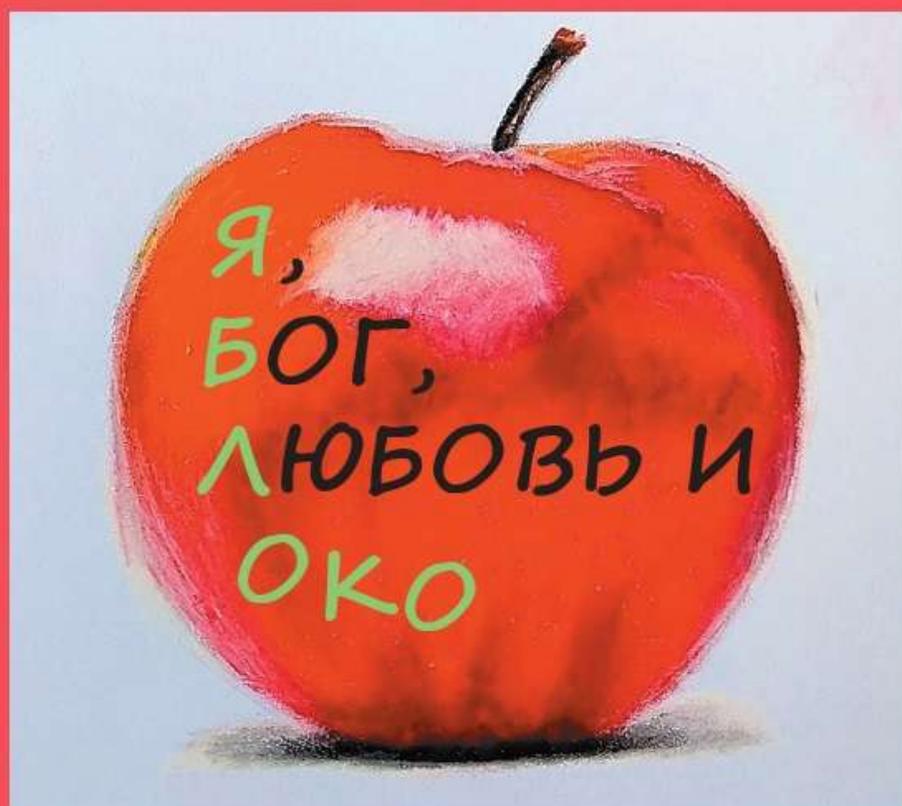

ГАЛИНА БУЛАТОВА

ГАЛИНА БУЛАТОВА Я, БОГ, ЛЮБОВЬ И ОКО

АБ издательство
«Ак Буре»

ГАЛИНА БУЛАТОВА

Стихи, рассказы, эссе

КАЗАНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АК БУРЕ»
2019

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б90

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей.

В оформлении книги использованы фотографии автора.

Булатова, Г. И.

Б90 Я, Бог, любовь и око : стихи, рассказы, эссе / Галина Булатова. — Казань : изд-во «Ак Буре», 2019. — 160 с.
ISBN 978-5-6043360-2-1

Галина Булатова родилась в городе Горьком. Окончила Куйбышевский институт культуры. Живёт в Казани. Поэт, переводчик, редактор. Автор книги стихов и поэтических переводов «Сильнее меня» (Татар. кн. изд-во, 2017). Организатор литературных проектов, в т.ч. учредитель премии «ДИАС», посвящённой казанскому писателю и философу Диасу Валееву. Лауреат международного поэтического конкурса Премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия», победитель и призёр ряда конкурсов поэтического перевода. Публиковалась в журналах «Звезда», «День и ночь», «Юность», «Сетевая словесность», «Аргмак. Татарстан», «Идель», «Казанский альманах», «Нижний Новгород», «Дальний Восток» и др. Стихи переведены на сербский язык.

ISBN 978-5-6043360-2-1

© Издательство «Ак Буре», 2019
© Булатова Г. И., 2019

О ПОЭЗИИ ГАЛИНЫ БУЛАТОВОЙ

* * *

«Поистине бунинская одарённость: особое зрение, абсолютный слух, тонкое обоняние! Отсюда некая самородность, естественность поэтической речи — будто из воздуха всё это пришло, или родной природой наваяно, или с неба услышано.

Умение, мастерство дают возможность Галине Булатовой сделать фактом поэзии даже описания собственных скитаний по городам и весям. Читая её стихи, чувствуешь запахи «Волги, Вятки, Оки и Камы», марийских лесов, видишь картины Казани, Нижнего Новгорода, Тольятти, Елабуги, Йошкар-Олы, Сызрани, Прибалтики. И всё это с искренней любовью к тому, что называется Родиной, или с искренним уважением к иному».

Николай Алешков

* * *

«Поэзия для неё — это форма доверительного общения, правдивый рассказ о своей жизни и, конечно же, подвиг сопереживания. Взять хотя бы читающуюся на одном дыхании и поражающую эпической мощью автобиографическую балладу «Волга, Вятка, Ока и Кама», либо такие пронизанные глубочайшей человеческой болью произведения как «Щень» или «Был человек — и нет». Это сага о любви и преданности, призыв к тому, чтобы «потерянный обрёл», разговор о самом важном — душе, добре, любви, красоте и непостижимых для человеческого ума тайнах мироздания.

Когда читаешь стихи Галины Булатовой, возникает ощущение стремительного и лёгкого, граничащего с невесомостью полёта. И этому способствует не только мелодичность её стихов вкупе с изящной и ненавязчивой метафорикой, но и само мироощущение автора. Галине свойственно тонкое, можно даже сказать, по-женски интуитивное чувство мира».

Филипп Пираев

* * *

«С Галиной Булатовой знаком давно. Знаю её как открытого, доброжелательного, равнодушного человека. И главное — талантливое поэта и переводчика. Не будучи коренной жительницей Казани, Галина быстро сроднилась с нашим городом, «вросла» в него, не теряя, однако, корневой связи с родными краями. И достаточно быстро приобрела известность. Сейчас Галина в числе наиболее известных и читаемых поэтов Казани, пишущих на русском языке.

Стихи Галины неторопливы и созерцательны. Её пейзажная лирика точна, и это не литературное фиксирование красот природы, а поэтическое её осмысление. Истинная, не плакатная любовь к родным краям — вот лейтмотив всего творчества Галины Булатовой».

Рустем Сабиров

* * *

«В её стихах звучат и золотой век, и «новокрестьянские поэты», и романтики 30-х годов, и русские народные песни. Глубокое чувство исторической памяти, родства со своими кровными предками и с родной землёй у Булатовой проявлено отчётливо, об этом она не устаёт говорить. И, конечно, о любви — трогательно, нежно, беззащитно».

Эмиль Сокольский

* * *

«От вселенской Розы Мира Даниила Андреева, через сверхчеловека — Мега Я — Диаса Валеева и идеи единения Храма всех религий Ильдара Ханова — осуществляется духовная подпитка поэтического сознания автора. Создаётся энергетическое поле — матрица вдохновения. Это та благодатная почва, на которой древо бескорыстного служения искусству обязательно принесёт свои плоды».

*Эдуард Учаров,
из эссе «Поэтический храм Галины Булатовой»*

ВСЁ ЭТО Я

ДЕСЯТОЕ ЛЕТО

Казалось, в жизни не предашь
привычку, умницу, натуру,
однако я свой карандаш
сменила на клавиатуру.
Я поменяла города,
работу, имя и пространство,
в котором красная звезда
была как символ постоянства.

Когда же — «трижды жди меня» —
обещанное рассмеялось,
я не убавила ни дня:
подумаешь, какая малость
меж вечным именем жены
и безымянностью на пальце, —
когда ромашки так юны,
а я древней неандертальца;
когда ржаные корабли
плывут в полях моей эклоги,
и я — дитя сырой земли,
она мои целует ноги.

О этот дождь, о этот гром,
и золотая круглость сена,
и пережат весёлой пены
у теплохода за бортом;
луны смешная воркотня,
четвёртый спас, таённость пенья,
и жизнь простая, как репейник, —
всё это я.
Люби меня.

АВЕ МАРИНА

Где он, Серебряный чародей?
Только мелькнула пята его.
Я обронила даму червей,
Он обронил Цветаеву...

Будто на старом половике,
Вывели, стёрлись цвета его.
А на верёвочном пояске
Красная нить — Цветаева...

Где он, Серебряный, роковой?
Намертво сжаты уста его.
Кто вы такие, — шумит прибой, —
Чтобы судить Цветаеву?

Где он, Серебряный этот век?
Канули в Лету лета его?
Аве, — луна замедляет бег,
Чтобы по строчкам любимых рек
Перечитать Цветаеву.

ПУШКИН

Вольной русской речи
Катится река.
Александр Сергеич,
Я — издалека.

Знаю из рассказов,
Писем и картин:
Вы — голубоглазый
Смуглый господин.

Воспеватель воли
И дитя до слёз
В русом ореоле
Вьющихся волос.

Пишут, что не шибко
Рослый — пять вершков.
Но хронист ошибся:
Вы на сто голов

Выше даже века,
Смявшего звезду.
Вот сирени ветка,
Как у Вас в саду...

Стало быть, пригожий
Этот райский сад
Оказался горше,
Чем Дантесов ад.

Не сломала срока
Магия камней:
Подчинились року
Ваши семь перстней.

Там, от Чёрной речки,
Обжигая лёд,
Вольной русской речи
В жилах кровь течёт.

МОЛЧАНИЕ

*Посол суверенного рая
Наиль Ишмухаметов*

Как будет, так и будет,
умолкни, изустав.
И кто тебя осудит,
когда и сам неправ?

Беги, мой суверенный,
садами просквозив,
беги, пока по венам
толкает кровь сизиф.

Пока тропой медвежьей
ты слово не настиг,
пока июнь подвешен
на гвоздики гвоздик,

на крюк чертополоха,
на стрелы черемши...
Ни хорошо, ни плохо,
а просто — это жизнь.

* * *

Не хочется о мелком. Преходящи
парад белья ручного полосканья
в краю тазов и царстве безутюжья,
и переключка трещин потолка.
Комоды — заговорщики: их дверцы
уж если открываются, то напрочь.
Отставить ножку так и норовит
весёлое вольтеровское кресло.
Не хочется о мелком. Преходящи...

А вот о том, что, выходя из дома,
забыл обнять... Осиротели плечи,
и каменный удав глотал ступени,
где миг тому твоя скользнула тень.
Когда же стены сжали горло дома,
он форточку сумел открыть наощупь,
и жёлтый томик модного поэта
взяла в ладонь лохматая тахта.
И белый день уже толкал на прибыль
стремящийся к нулю предел желаний,
и вместе с ним пытался дом постигнуть,
зачем Кибиров пишет о любви.

НЕЕННАЯ

Мне приснилось, что ты ушёл.
В горле застряло слово.
Бешено закрутилось небо
                        вокруг своей оси.
Облака превратились в гигантскую спираль.
Над землёй пронеслось Солнце,
                        роняя огненные куски.
Телефон расплавился в моей руке.
Я проснулась и поняла:
                        Вселенной больше нет.

* * *

Господня ложка мешает в банке
Крупницы смысла — а ищут все!
И мы попали с тобой в болтанку
На этом чёртовом колесе.

Безумцы, надо же так ввязаться —
До растворенья, где жизни нет
У человекoв, цивилизаций
И, даже страшно сказать, планет.

ВРЕМЯ СИНИХ СТРЕКОЗ

Там, куда я навскидку,
ерундой забрела,
синий мостик раскинул
два речные крыла.

Речка, речь волопаса,
ты впадаешь куда?
Впасть в наивность и пафос —
небольшая беда.

Это счастье: разиней
на неспешном ходу
оказаться на синем
стрекозином мосту,

где и полдень высокий
к водной глади прирос,
где течёт над осокой
время синих стрекоз.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Вышел я родом из леса,
из-под пера топора.
Чувствую тяжесть железа, —
так в ожиданье пореза
отвердевает кора

и раскрываются поры
свет предпоследний приять.
Солнце косого пробора,
прямолинейность укора,
страха невнятная прядь.

Я сокращён до предела,
сжат до астрального тела,
я на прожилках распят.
В час, как рябина зардела,
небо уходит назад.

Даром сбиваются в стаи
братья мои, отлетая,
даром дрожат на ветру, —
каждого перелистает
та, что красна на миру.

Что там осталось? Полешки,
в беличьих дуплах орешки,
исповедь кроткой воды
и у рождественской вешки
окрик зелёной звезды.

ЮБИЛЕЙ

Уж если за слово и браться,
то чтоб донеслось до Уфы,
чтоб чувствовать сестринство, братство,
взойдя на подмостки строфы.

Взыскующий духа — весь мир, но —
чтоб стол и на нём пироги,
чтоб слышалась речь клавесина
в антракте весомой строки.

Осанну воздать чужестранке,
а впрочем, не надо шумих.
Пусть важная грамота — в рамке,
а всё остальное без них.

Стихи и счастливые числа
раздать и идти налегке.
И яблоко свежего смысла
познать —
на своём языке.

* * *

Готовимся к примерке
В салонах февраля:
Сверкают всюду серьги
Литого хрусталя.

Пожалуйста, берите,
Берёза, тополь, ель,
Топазы и бериллы,
Алмазы и шпинель.

Им — золото Маккенны,
А в нашем феврале
Фасонят манекены
В бриллиантовых колье.

Сугробы устарели,
В сезоне мода ню.
Всем крышам ожерелья
Раздарены на дню!

Примеряйте без торга
И вы прозрачный свет,
И тайте от восторга,
И плачьте от восторга, —
У света тени нет!

Оставьте оробенье
На кончике пера
Для капельки терпенья
И капельки добра.

* * *

Плывёт Земля, вращается,
Головушку склонив,
И к небу обращается:
Спаси и сохрани!

А мне б молитву новую
Явить смурному дню:
Головушку бедовую
Спасу и сохраню!

Печаль твою осеннюю
По улочкам дробя,
Найду своё спасение
В спасении тебя.

* * *

Тонко синица тинькнет
На перепутье дня.
Если весь мир утихнет,
Ты не буди меня.
Лето свернулось в кокон
На годовой ночлег.
Синим квадратам окон
Снится из детства снег.

ЛУННЫЙ КОТ

Бутылка синего стекла —
О лунный кот!
Ведь это ты наколдовал
Под Новый год?

Отведал с блюдечка луны
Молочных грёз,
И замая в бутылку сны,
С собой унёс.

У норки «Чёрная дыра»
Ловил мышей,
Кометой-дротиком играл,
Разя мишень.

Сбегая с неба, прихватил
Клубочек звёзд
И всех на свете синих птиц
Поймал за хвост!

НЕСОЕДИНИМОЕ

Соединяю горькую полынь,
И шёпот губ от Отче до аминь,
И тяжкое ведро на дне колодца,
Невольников и странников Руси, —
Но как «не верь, не бойся, не проси»
Соединить с «просящему даётся»?

КВАДРАТНЫЙ СНЕГ

Индюк не видит дальше драки,
Глухой не слышит дальше слова.
Плакатным строем по бумаге
Бездарность марширует снова.

А на плацу порядок тоже:
Вооружённые лопатой
Равняют снег, который должен
Быть только белый и квадратный.

И, облечённые речами,
Но поэтически бескровно
Горланят малые печали —
Кровоточащие безмолвны.

<⊙>КН<⊙>

выставляют окно
выставляют на свет
выставляют на вид
выставляют на смех

выставляют часы
выставляют счета
выставляют на торг
выставляют спроста

выставляют в сети
выставляют не тем
выставляют за дверь
выставляют совсем

ЗАКАТ ИЗ ОКНА ПОЕЗДА

Был вечер, как вздох, усталый
И воздух осенний жгуч.
Сорвался комочек алый
Со слабых ладоней туч.

Вот прыгает он, несётся,
За кроны цепляя лес,
Испуганный шарик солнца,
Последних минут жилец.

Разверзла земля объятья,
Втащила добычу в склеп.
Недолго кровавых пятен
Вдали отмывали след.

И вечер свернулся коброй,
И было вздохнуть невмочь...
Катился по рельсам скорый
Большим катафалком в ночь.

СЕРГЕЮ БРЕЛЮ

В ноябре, в ноябре, в ноябре ль? —
По Казани разгуливал Брель
И, зелёный примяв капюшон,
Объективом искал кабошон —
Драгоценность церквей и домов,
Переживших громады веков.
Каждый портик, узор и кирпич
Для него приготовили спич.
Благолепием древних икон
Покорён, поцелован был он.
Выражая почтенье углам,
Он входил в поэтический храм.
Было в слове волнение и страсть,
Было яблоку негде упасть.
Жест рукою — царя колесниц,
Побеждённые падали ниц.
Вновь и вновь он искал коллизей,
Заходя то во двор, то в музей,
За туманами шли чередой
Посвящения снегом, водой.
Вечерами купеческий дом
Наполнялся священным стихом.
От буддийских молитв и богов —
До коломенских колоколов,
Из объятий прекрасных фелиц —
В мусульманскую прелесть столиц...
Унеси, дорогой книгочей,
Эти кудри и светлость очей,
Но запомнит аксёновский зал
Мир, который ты им показал.

БАЙКАЛ

Байкал баюкал и буянил,
бухтел, бурханил, барабанил,
многоголосый удэге.
Спускались горы мыть подошвы,
а чайки хлопали в ладоши,
смеясь на нашем языке.

Небесный омуль плыл высоко,
вращая умным жёлтым оком
у переносицы горы.
И триста рек несли дары —
доволен батюшка оброком:
готов калым для Ангары.

Пока шаманил с бубном кто-то,
открыв Ольхонские ворота,
дожди впечатались в гранит.
И мы карабкались по склону
непостижимого Ольхона
до запредельных пирамид.

Я, месяц мучась со спиною,
ступила в море ледяное,
сомкнув его над головой
три раза, как тому пристало,
и трижды море цвет меняло —
зелёный, серый, голубой.

Не разыгравшиеся нервы —
а разыгравшиеся нерпы
чудно крутились на волне.
И был весь мир потом в нирване:
туман валил, как пар из бани,
и я — забыла о спине.

Забыть ли этих дней теченье,
любовь камней и трав, свеченье
прозрачных донельзя глубин?
О месте силы древней веры
друг с другом так и спорят ветры —
сарма, култук и баргузин.

СИМБИРСК

Сим-сим, откройся!
Ларцом Владимирского сада
с его златоволосой нимфой
в неспешном шелесте фонтана.

Води мостами, как смычками,
звучи виолончелью Волги!
Вчера ли в кружеве ранетка
с тобой стояла под Венцом?

Катись, свияжское колечко,
тори причудливое русло,
вдевай — мостам на удивленье —
фату тончайших облаков.

Весь день бродить по разноцветным
половичкам сплетённых улиц,
ах, загляжусь — коньки резные
летят под дугами крылец!

Симбирск, откройся!
Шеколдой двери деревянной,
ключом, оброненным Маришкой,
скользнувшим в лоно подземелья...

И честной карамзинской музой,
и русской мыслью Гончарова,
и одному тебе присущей
мемориальностью имён.

Но сколько света и надежды
у птицы Спасо-Вознесенья,
у пьющих небо голубое
золотоклювых куполов!

ЧИСТОПОЛЬ

В этих мальвах — отголоски
Колоколен давних пор.
Но опять собор Никольский
Водит с Камой разговор.

Друг за дружкой ходят скверы
Вдоль купеческих домов.
От тюрьмы, считай, до веры —
Три слезы и пять шагов.

Красный дом. Диванчик узкий.
И — торжественность перил.
Здесь Шекспир на чистом русском
При свече заговорил.

Здесь восток шлифует время,
А оно — твои слова.
Всё до буковки в поэме
Перемелют жернова.

День бросается листками
И рябиною дождит.
Пастернак не отпускает,
Возвращайся, говорит.

ДОЧКЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ 12 ДЕКАБРЯ

И был момент крутящий, а век ещё крутой,
страна включала ящик и мчалась за водой.
А там типаж таковский, но круче всех, не лгу,
брутальный Кашпировский с полоскою на лбу.
Он смотрит не мигая: — Дышите! — я дышу.
Живот пододвигая, о радости прошу.

Ах, радость, моя радость: почти на два пятьсот.
Защитница для брата, гроза для сорванцов.
Шажок, ещё полшага — и танцы день-деньской,
и королева шахмат в скрижали городской.
В коллоидах дорожек — оксиды декабря.
Диплом из красной кожи, медаль из серебра.

Я звёздный дождь событий, как блёстки, ворошу
и в тридевятый Питер послание пишу.
Что завтрему угодно — к чему переживать?
Будь счастлива сегодня! А что ещё желать?
Родного человека, приветливых чужбин,
да платье цвета снега на плечиках рябин.

* * *

Блаженная мати Матрона,
В платочек упрятав чело,
Сидит за тетрадкой влюблённо,
Не видя вокруг ничего.

Февраль застегнётся — и выйдет,
А март распахнёт облака, —
Она ничего не увидит
В содружестве стен-потолка.

Но что там, на донышке глаза,
Ни ты не ответишь, ни я.
Ползут по стене метастазы,
И блюда в серванте звенят.

Окликнет чужое пространство,
Накроет её с головой, —
Испуганной птицей прекрасной
Ложится она на крыло.

Ах, мама, не дай им ответа,
Не верь чужеземцам, не верь, —
Уже вышивает на ветках
Пасхальницу новый апрель.

И будет яичко к обеду,
Кулич и тепла благодать.
А я непременно приеду...
Чтоб вскоре уехать опять.

Я верю: всё будет в порядке,
Как прежде, от сих и до сих,
Пока ты рисуешь в тетрадке
Молитвы о чадах своих.

* * *

Сосёнка, схваченная оградкой,
и беломраморная берёзка, —
теперь всё это в твоём владении, папа —
как раз к юбилею..
Случайно ли весть о книге пришла
в день твоего ухода?
Спи спокойно, Иван — крестьянский сын.
Топор и лопата, молоток и пила,
скальпель и гиря, жигуль и лодка —
всё пело в твоих руках.
Слушаю дождь за окном.
А помнишь, в восьмидесятом,
нашу палатку у Чёрного моря
чуть не смыло дождями?..
Я помню все твои присказки,
они — половина моего языка.
Спи спокойно, Иван-царевич,
кудрявая голова,
васнецовское сердце,
вятская кровь.

ИЗ НЕНАПИСАННОЙ ПОЭМЫ

Роду я — Булатовых, племени — волжанского.
Бородатый прадед мой, свет Степан Михайлович,
Пел в церквушке регентом, сельским был учителем.
Нажили с супругою Ольгою Даниловной
Машеньку, Владимира, к девятьсот десятому
Петю — сына среднего, Алексея, Ванечку.

Сгнули родители в страшные двадцатые.
Потерялись младшие за судьбой детдомовской.
Петенька помыкался, да годков прибавивши,
В маслобойню сунулся — не задаром хлеба есть
У сестрицы Машеньки. Муж её из бондарей —
С ним на пару ладили лодки, бочки с кадками.

(А село Подборное, где родился Петенька,
Не найти — затоплено посреди столетия
Из-за гидростанции. Да и самый Ставрополь,
Где учились отроки, Волга убаякала.
Что смогли, по брёвнышку разобрали, выдохнув,
И собрали заново вёрст на десять в сторону).

У Петра с Владимиром — пять по каллиграфии,
На двоих доставшийся дар отцовый к музыке.
Как живая, плакала, пела скрипка старшего,
Поднимала хворого балалайка Петина,
А баян в руках его душу выворачивал
То бродяжьей участью, то волной дунайскою.

Следом за Владимиром Петя — в педучилище
И под Нижний Новгород на стезю учительства.
Там и познакомился со своей соратницей,
Будущей супругою Голышевой Клавдией.
Так Валки под Керженцем за полвека в плоть вросли,
Стали ближе родины для Петра Булатова.

* * *

Ты знаешь, Нижний стоит мессы,
как возвращения — гнездовье.
Я полюбила эту местность,
как птица, первую любовью.

Я отыскала первослово
у стен макарьевского храма,
я полюбила этот говор
(он до сих пор остался с мамой).

Там бродит время тихой сапой,
и молоко в подои́ник брызжет,
там живы дедушка и папа,
и тётя настя с дядей гришей.

Они идут из комнат, с лестниц,
глядят с портретов не мигая,
они поют, и в этой песне
ланцов из замка убегает.

Глухою керженской тропой
они уходят без оглядки,
оставив мне нести с собою
их вздохи, письма и тетрадки.

Всё глубже след и тень длиннее,
пишу в анкетах: *город Горький*
и не могу уйти с линейки
у обелиска на пригорке.

ТОМАС ДАНН ИНГЛИШ. ЛЮБОВЬ ПСИХЕИ

(с английского)

Ни роскоши, ни злата не снискал я,
И льстивый хор не пел мне благодать,
Но я богач, ведь мне судьба послала
Любовь Психеи! Что ещё желать?

Я не имею почестей сановных,
И мне на крыльях славы не летать,
Но я ликую — так беспрекословна
Любовь Психеи! Что ещё желать?

Пускай лишён я выгодного места,
Тугой мундир не сковывает стать,
Но я блажен — со мною повсеместно
Любовь Психеи! Что ещё желать?

Мои черты изяществом не ранят,
Я красотой отвергнут — что скрывать,
И всё же я счастливейший избранник
Моей Психеи! Что ещё желать?

Я не учён, считая по наитью —
К чему трактаты скучные листать?
Но обернулась лучшим из открытий
Любовь Психеи! Что ещё желать?

Принять любые беды без унынья —
Нужду ли, хворь — надеюсь, хватит сил.
Туманно завтра, но со мною ныне
Любовь Психеи — всё, о чём просил.

АЛЕКСЕЙ ГАДЖИЕВ. РУБАИ

(с лакского)

*

Польза — в длинной верёвке, а речи твои
С избытком слов без нужды утай.
Чем пустые слова на бесчётных страницах —
Лучше мудрость в четыре строки рубаи.

*

Не бывает правдива порой похвала,
Да и правда сама — не совсем пахлава.
Но, пожалуй, слащавым речам лицемера
Предпочту я с горчинкою правды слова.

*

Успокойся же, путник, постой, не беги,
Посиди на лужайке со мной у реки.
На чужбине напрасно ты в поисках счастья,
Не ищи его там — береги сапоги.

*

Родники пересохнут — иссякнет река,
Так и дерево живо, с корнями пока.
Для того, кто родимую землю покинет,
Будет горек шараб* и лепёшка горька.

*

Мне приснилось, как будто по саду гулял,
И шиповник уже на кустах созревал.
Неужели опять мимо лето промчалось?
Неужель я цветение роз прозевал?

---

* *Шараб* — блаженный напиток.

*

Отблеск солнца я видел в реке и ручьях,
На искристом снегу, голубых ледниках.
А лучи, что и душу насквозь прожигают,
У одной лишь любимой таятся в глазах.

*

Ждёшь безоблачных дней, а грядут облака,
Веришь в солнце, а правят сплошные снега.
Всё кружится земля — так держи наготове
Полный кубок для друга и штык для врага.

*

Кто-то рыжим родился, а этот черняв,
Тот — драчун, а у этого ангельский нрав.
Если дети — цветы на прекрасной поляне,
Ароматов не счесть в многоцветии трав.

*

Солнце прячется в тучу, и тает луна,
И арык летний зной иссушает до дна.
Всё вокруг быстротечно, и молодость тоже,
Лишь весной трава зеленым-зелена.

*

Драгоценным считают алмаз неспроста,
И сквозь пыль не затмится его чистота.
Так и стрелы, что выпустил злобный завистник,
Не настигнут тебя, если совесть чиста.

*

Входим в жизнь одинаково, как ни крути,
И дорога одна, по которой идти.
Но у каждого всё же особыми будут
Перевалы, ухабы, мосты на пути.

*

От дождя оживает душистый бутон,
Улыбнусь — нежным взором твоим одарён.
Вот, пожалуй, вернейшая жизни примета:
И любовь, и природа цветут в унисон.

*

Кто сегодня пешком, завтра будет верхом,
И паденья, и взлёты идут чередом.
Только ты лишь, мой друг, погрузился в мечтанья:
Ловишь прежнего зайца под тем же кустом.

*

Даже в пальцах руки непохожесть видна,
В кулаке же их общая сила важна.
Расстояния, возраст, чины и богатство —
Не помеха для дружбы во все времена.

*

Спелый колос с достоинством в землю глядит,
А пустой — горделиво под небом стоит.
Повсеместно видна человечья натура —
Так, из бочек пустая всех звонче гремит.

*

У зари одолжив золотистую нить,
Сладко струнам чунгура* красоту хвалить.
Пусть умолкнет чунгур на короткое время —
О любви я с тобою хочу говорить.

---

* *Чунгур* — горский струнный музыкальный инструмент.

*

Только зрячий оценит сияние дня,
А влюблённый — и ночью не просит огня.
Чтобы мог оценить я любовь луноликой,
Будет мало мне ночи, как мало и дня.

*

А давайте друзей на маджлис* соберём,
Из кувшина по кубкам вино разольём.
Пусть сегодняшний день ощутится как праздник —
Неизвестно, что с нами случится потом.

*

За сезоном — сезон, повалили снега,
День — ужася, а ночь — бесконечно долга.
У любви, как известно, другие законы:
Мне и самая долгая ночь коротка.

*

Разве слёзы рождаются в сердце пустом?
Исполняется песня душой, а не ртом.
Кто-то губы растянёт в гримасе привычно,
Сморщив кожу лица. Но улыбка ли то?

*

Слава солнцу! Едва заалееет восток,
Бьют поклоны светилу жучок и цветок.
Но свече восковой поклоняться задумав,
Полетит на огонь — и сгорит мотылёк.

---

* *Маджлис* — здесь застолье, кутёж.

*

Дай же людям терпения в гневе, Аллах,
О худых и о добрых поведая делах.
Друг на друга идёт, брат преследует брата,
Объясни, что творится в людских головах!

*

Первый взгляд или слово ещё не любовь,
Как и тот поцелуй, будоражащий кровь.
Опасайся, красотка, легко ошибиться —
Знай, что искорка страсти ещё не любовь.

*

Вот безгрешный ребёнок, совсем ещё мал.
Он, рождаясь на свет, очень горько кричал.
Неужели, ещё не покинув утробы,
Он о подлости этого мира узнал?

*

Вздумал ворон однажды походку сменить:
Куропаткиным шагом неплохо б ходить.
По-вороньему вовсе летать разучился
И по-курьи не смог по земле семенить.

*

В чёрных тучах родится сверкающий дождь,
На земле превращается в грязь — не пройдёшь.
Так в кривых зеркалах удивительной жизни —
Где добро, а где зло иногда не поймёшь.

ИЗ КНИГИ
«СИЛЬНЕЕ МЕНЯ»

ДВОРЦЫ ГОРОДОВ

Дворцы городов, чья фантазия вас изваяла?
Приюты титанов времён солнцеликого Феба,
Где эхо шагов раздаётся под сводами зала,
А своды короной небрежно касаются неба.

Вы созданы для церемоний и пышных нарядов,
Что держит за складки накидок торжественный мрамор.
Здесь верные слуги-вазоны, неся балюстрады,
Рассеют секреты свои по периметру храма.

Как вырваться духу из плотных объятий эфира,
С проспектов бесчисленных лестниц, фойе, коридоров?
Пусть жезлы дворцов означают господство над миром,
Но хрупок цветок мироздания в горсти у просторов.

Ищу человека. Ищу в человеке простое.
Несметным богатствам простого не нужно охраны.
Я здание Розы для всех и для каждого строю,
И небо бескрайнее высится куполом храма.

ГОРОШИНА

Обычная горошина,
Племянница кусту,
Я кем-то в землю брошена,
И вот — себе расту.

Но чья душа мне дадена,
Судьба вздыхать о ком,
Цепляясь за оградину
Зелёным стебельком?

Какому дню назначена
Средь заросли густой,
Обожествляя ржавчину
До вязи золотой?

Живу, дай бог, не овощем
На крохотном клочке,
А всё моё сокровище
В зажатом кулачке.

Господь надкусит бережно
Стручковое ребро:
— Ну, здравствуй, королевишна,
Хранящая добро!

Храни и дальше, матица,
На много-много лет,
Пока по кругу катятся
Горошины планет.

У ПОЛДНЕВНОЙ РЕКИ

У полдневной реки,
На твоём побережье,
Вдохновляться зелёными рыбами глаз,
И волны кружевами расшитый атлас
Выпускать из руки,
Сотворяя мережку...

И семь звёзд из ковша
Проливать без остатка,
Выжидать от ростка до цветения роз
(Философия розы — занятный вопрос) —
А тобою дышать
Удивительно сладко.

Если всё это Бог
Потеряет из вида,
Или взвешивать станет, над бездной держа, —
Ничего не останется — только дышать:
Вдохновение — вдох,
А поэзия — выдох.

СУЛАМИФЬ

Стережущее время колье — от богов! —
Околдует изяществом шейных оков.
Но блаженна из принятых нами неволь
Та, где молодость и красота — для него.

Головою прильнула к горячей руке,
Замерла на счастливом своём острове.
Но очнулась тотчас, поднимая лицо:
«Господин, где мой дар — золотое кольцо,
С письменами, которые мастер чертил?
Про «ничто не проходит» мне снова прочти!»

«Я прочту тебе, милая, тысячу раз —
Наизусть. Но невесел мой будет рассказ:
Некто в чёрном однажды взошёл на крыльцо,
Обещая бессмертных стихов — за кольцо.
Ты прости, но себя бесконечно кляня,
Я не выдержал — это сильнее меня.

Я растратил казну, заложил фаэтон,
Но всё нового золота требует он.
Так бесславен обмен и бессловен итог...» —
И под пальцами русый дрожал завиток.

Но блаженна из выбранных нами неволь
Та одна, дорогая, где всё для него.
И рассыпав огни на атласном белье,
Соскользнуло с груди золотое колье.
Раздвоилась звезда, покачнулось окно,
И бессмертное слово упало у ног.

* * *

Мне снилось: над степью и Волгой
Горящий летел самолёт,
И падал горячий осколок
Туда, где купался народ.
Глаза у забывшего шалость
Сынишки тревогой полны,
И девочка с криком бежала
Ко мне от бурлящей волны.
Последние вспыхнули кадры
Пожара над степью — и мгла...
Я сон позабыла назавтра.
Беда не забыла — пришла.

Садится остывшее солнце,
Чернеющий день моросит,
И мне, может быть, остаётся
У неба прощенья просить —
За сон, что беду напророчил,
За грубо оборванный путь.
Знобит, и наброшен платочек
Концами крест-накрест на грудь.
Преследует запах полынный
И девочкин профиль в дыму.
И мальчик, похожий на сына,
Растерянно смотрит во тьму.

ШМЕЛЬ

Мы вышли в путь. Маячил целью
Базар казанский вдалеке.
В дверях — червонец на похмелье
Искал сосед в моей руке.

А день был трезв на удивленье
И лёгок в новых туфлях шаг.
Зелёный луч, берёзы пленник,
Ветвей развязывал кушак,

Потом за бабочкою крался.
Субботний день просил жары.
Вдали Казанью любовался
Бирюзоокий Кул Шариф.

Мы шли вдвоём. И было любо
Шагать по перекрёсткам дня.
Тюльпаны силились на клумбах
Головки жёлтые поднять.

Кабан, давно забывший льдины,
Блестел в многоверстовый рост.
Тянулся шеей лебединой
За нами Лебедевский мост.

Зелёной майской позолотой,
Безбожный, был прощён апрель...
И робко пробовал полёты
Огромный полосатый шмель.

БЫЛ ЧЕЛОВЕК — И НЕТ

Был человек — и нет.
Пьяненький мой сосед
Вышел вчера в отставку.
Сплошь синяки, фингал —
Кто-то его послал
К боженьке на поправку.

Скорой такой не гождь,
Сколько их, пьяных рожь,
Это не наш, мол, профиль.
Только зачем ты, док,
Выпавший кошелёк
Так изучал подробно?

Глупая штука жизнь,
Ну же, сосед, держись —
Сил моих маловато.
В тулове — ломота,
В комнатах — пустота:
Здесь ни жены, ни брата.

«По выходным — сынок...»
Падает, как без ног,
Мечется на подушке.
Тара стоит в углу,
Брошены на полу
Коленькины игрушки.

Был человек — и нет.
Гордый, смешной сосед
Выкинул злую шутку.

Он же чужой, чужой —
Что ж так нехорошо,
Плачу вторые сутки.

Был человек — и нет.
Сел на диван сосед,
Носом в плечо уткнулся,
Крепко закрыл глаза,
Вышел на небеса,
Вышел и не вернулся.

ПОЭЗОТЕРИКА

Если к нежности апреля
мы добавим силу солнца,
соки трав, цветов, деревьев,
шум дождя, тумана шёпот,
то получим женский облик,
силуэт, летящий оттиск,
семь цветных полос на небе,
предысторию порыва...

Заверните в лист берёзы
дождевые три алмаза,
восхититесь цветом яблонь,
до поры плоды таящих,
поделитесь с нимфалидой
предвкушением сирени,
обещайте послезавтра
непреренно стать счастливой...

МАРТ

Где ветка касается робко
Горячей щеки фонаря,
Вела меня быстрая тропка
От прожитого февраля.

И были дома у обочин
В вечернем прищуре слепы,
Но даже в преддверии ночи
Я видела марта следы.

Резные балкончики зданий
И дерево в истинный рост
Взлетали уже над Казанью
Под звоны оттаявших звёзд.

И эти, и те, и другие —
Весь город вставал на крыло, —
В какие края дорогие,
Куда эту стаю несло?

Летели куда переулки
Над городом светлым моим?
Тянулся за ними, как руки,
Котельных серебряный дым.

СЫЗРАНЬ

Сызрань — сыздавна, сызмала, сызнова...
Деревянное кружево крыш.
Кисть берёзы окошки забрызгала,
У которых с восторгом стоишь —

Человечишко перед вершинами —
Лепотою высокой объят.
Бирюзовая арка с кувшинами,
Где былое, как вина, хранят.

Сызрань — сызнова... Бросит украдкой
В Крымзу солнце — сверкают круги —
И протянет с кремлёвской печаткою
Пятиречье, как пальцы руки.

Сызрань — сыздавна, сызмала, сызнова
Белой птицей уходит в полёт
И, мелодию вечности вызная,
На земле в красном камне поёт.

То светло, виновато печалится,
Не скрывая морщин на челе.
И берёза в окошке качается:
Удержись, утерпи, уцелей!..

Жив лишь только молитвами дерева
И, быть может, отвагой своей,
Там балкон до последнего держится
С благородством купецких кровей.

ЕЛАБУГА

*Рахиму Гайсину,
Эдуарду Учарову,
Евгению Морозову*

В Елабуге сердце ищет
Сокровища древних лет...
Над Чёртовым городищем
Звезда прочертила след.
Безжалостный день вчерашний
Под корень крошít века,
Но крепкою пломбой башня
Стоит на горе пока.
А всадник на лобном месте
Поводья зажал в горсти.
Над Камою полумесяц
Подковой в ночи блестит.

Елабуга, ты запала
В меня белизной берёз.
Часовня Петра и Павла
Ослепла от долгих слёз.
На серых камнях дорожек
Рябиновый бьётся след.
Приводит сюда прохожих
Марины нетленный свет.
Отцовыми именами
Сроднились навек с тобой.
Позволишь ли между нами
Тебя называть сестрой?..

Елабуга, муза марта,
Пролеска грядущих дней,
Высокая песня барда
Летит из груди твоей
За дверь университета
И выше кирпичных стен —
Туда, где кричат поэты
На вымученном листе,
Где Шишкин кистями сосен
Расписывает пейзаж...
Елабуга, сколько вёсен
Возьмёшь ты на карандаш?..

В ЗЕНИТЕ

У кромки леса, бегущего с горки вниз,
Где Волгу переплывает июнь в зените, —
Там травы по-комариному налились
Звенящей кровью молоденькой земляники.

Поди угадай, мы чьих голубых кровей,
В каких земляничных безднах однажды сгинем...
Так ящеркой чья-то жизнь промелькнёт в траве —
А светлый след останется в небе синем.

НА ОТМЕЛИ ВРЕМЁН

Я выплакивала тебя речному песку,
солнцу, которое через кепку мокло,
музыке, знающей не понаслышке тоску,
автобусу в равнодушные стёкла.

Выбрасывала тебя майскими жуками,
залетающими в ночное окно,
прокручивала обручевыми кругами,
кадрами кино.

Исторгала тебя уходящими килограммами,
пятнадцатью процентами живого веса —
чемодана с фотоальбомами ранними,
ужесточением прессы.

Вычёркивала тебя на простынях и листах,
и когда тебя во мне не осталось
(или только думалось так), —
оказалось,
что не стало меня...

ДОЙДЯ ДО ТОЧКИ НЕВОЗВРАТА

О, одиночество привата,
Луновеликая жена,
Я чем-то очень виновата,
И вряд ли буду прощена.

Солнцеподобные рычали,
Луновеликие несли,
За бесприютными плечами
С щеки взлетали журавли...

Но я была другому рада:
Дрожанью шины под ногой,
Цветным огням Димитровграда,
Строке, гудящей и тугой,

И в раме лужи привокзальной
Автопортрету фонаря,
И сбившемуся под Казанью
Сердцебиенью октября.

Дойдя до точки невозврата,
Пространство разрешилось мной,
Той, что прекрасно виновата
Своей немыслимой виной.

ВОЛГА, ВЯТКА, ОКА И КАМА

Волга, Вятка, Ока и Кама — вот четыре родных сестры.
Между этими берегами пращур мой разжигал костры.
Волховал, приготовясь к севу, и поглаживал оберег,
Чтоб вовек родовое древо пило воду из этих рек.
Чтобы бьющийся слева бакен направлял бы уключин скрип,
И горел бы огонь прабабкин и прадедов на спинах рыб.

...Начинала цвести ясколка, разливался в лугах апрель,
Лучше няньки качала Волга лодку — мамину колыбель.
Знали слово «война» с пелёнок, но хранил беззащитных Бог,
И от «воронов» да воронок он судёнышко уберёг, —
Только омуты да стремнины, но недаром родня ждала:
Скоро доктором станет Нина, будет новая жизнь светла.

...Вечный зов соловьиной Вятки, зачарованный край отцов:
Здесь писал угольком в тетрадке душу русскую Васнецов.
Здесь грозила судьба расстрелом в сорок первом за колоски...
По сестрёнке, навеки в белом, плакал Ванечка у реки...
И остались они живые, целых пятеро, мал мала...
Славный врач из Ивана выйдет, будет новая жизнь светла.

...Первый скальпель, уколы, грелки и родительский непокой:
Это я родилась на Стрелке, между Волгою и Окой.
Если есть у свободы запах, это запах родной реки.
Напиши-ка, смеялся папа: *наши с Вятки-де вы с Оки.*
Вслед за мамою ехал Грека через реку, а в реке рак,
И молочными были реки, и кисельными берега...

Утка в море, хвост на заборе, Волга зыбает корабли,
В Жигулях Жигулёвским морем нарекли её журавли,
Натянув тетиву рассвета на Самарской Луки изгиб, —
Это красное пламя ветры зажигают на спинах рыб,
Это посвист далёкой Стрелки, что почувствовал печенег
По вибрации крупных, мелких — всех впадающих в Каму рек.

«Ты — река! И теперь ты — Кама!» — крикнут белые берега.
Может, это такая карма? Может, это одна река?
Может, это игра течений? Может быть, по воде круги —
Многоточия изречений той одной, родовой реки?
...Волга, Вятка, Ока и Кама, — и шепотью ведомый перст
На груди четырьмя штрихами, как судьбину, выводит крест.

ДЕДУШКА МОЙ БУЛАТОВ

Петру Степановичу Булатову

Память ценнее клада, если добро в судьбе...
Дедушка мой Булатов, вспомнилось о тебе.
Вглядываюсь в начало: кто-то скромней едва ль —
Долго в шкафу молчала страшной войны медаль.

Это и мой осколок — жизнью неизлечим.
...Сельский директор школы слову детей учил.
Светлой души, нестрогий — с лёгкостью я пойму
Тех, кто с других уроков тайно сбегал к нему.

Письма писал — от Бога, всяк ему бил челом:
Было не так уж много грамотных на село.
Добрая слава греет щедрого на Русу:
Что отдавал на время, то забывал спросить.

Ну же, баян, играй-ка вальсы амурских волн!
Старая балалайка, вспомни байкальский чёлн!
Дедушка мой Булатов, в камне — овал простой...
Правнук уже в солдатах, правнучка — под фатой...

ЯБЛОЧКО НА ТАРЕЛОЧКЕ

СЕМЕЙНАЯ САГА

Горький

В некотором царстве, некотором государстве, в городе, где Волга сливается с Окой, родилась... я. По случаю такого важного события родителям, а они были студентами-медиками, дали семейное общежитие, а новорожденной вручили первую в жизни медаль — в розовых клеёнчатых корочках, с гравировкой «Гражданке, родившейся в городе Горьком».

Так вышло, что первые полгода я провела в педиатрическом институте, где проводились наблюдения за новорожденными и безопасные для их здоровья эксперименты. Можно сказать, немного послужила во имя науки.

В одиннадцать с половиной, выглядевшая намного моложе своих месяцев, я уже вовсю гуляла по горьковской набережной, недалеко от Кремля. По словам мамы, прохожие удивлялись крошечному шагающему существу.

Дедушка в письмах регулярно справлялся о внучке:

«Галенька ничего не растёт? Конечно, в Горьком она многого не достигнет: воздух в городе не тот, что на периферии, да и солнце у вас в комнате, мне кажется, — редкий гость. А не лучше ли сделать так: весной вы Галеньку с её «экипажем» привезёте к нам в Валки, будет она в нём спать в садике, а проснётся — будет качаться в гамаке, а не хочет качаться — пусть ходит по садику с палкой и отгоняет воробьёв, которые усиленно клюют малину. Молока у нас полно и возиться есть кому. Вот наш с мамой совет. Мы вам предлагаем только лучшее».

Макарьев

К счастью, после института молодая семья оказалась по распределению в посёлке Макарьев — в десяти километрах от Валков, где жил дедушка.

Доктор в сельской больнице — царь и бог. Мама с папой умели всё: принимать роды, вырезать аппендицит, зашивать раны, ежели топор на бедолагу с телеги свалится. Случалось и вывихнутые челюсти вставлять, и останавливать оригинальным способом приступы эпилепсии...

«Я сижу на вишенке, не могу накушаться, дядя Ленин говорит: надо маму слушаться». Чтице стишка было около трёх лет. А ещё Вишенкой звали лошадь, на которой нам привозили в бочке воду.

Жили мы на улице Ленина, в доме № 5. Здесь, в Макарьеве, провёл своё детство великий геометр Лобачевский, тоже родившийся в Нижнем. Может, даже в этом самом доме жил. А кто знает? Дом старинный, купеческий, полукаменный.

Докторские владения были на втором — деревянном — этаже, а на первом жил фельдшер Макар Иваныч — суровый седой старик. Казалось, что так же суров его петух, однажды больно клюнувший меня.

Из окон нашего дома виднелась Волга с белокаменным монастырём, словно бы вырастающим из воды. Берег реки был усеян рыбацкими лодками. Свою «казанку», оснащённую «Вихрем», папа регулярно выводил на водные просторы. Лодка прыгала по огромным волнам, мы визжали от страха и восторга под мамины взволнованные крики «Ваня! Ваня!» Папа только смеялся. Он был Хозяином и Повелителем Лодки.

Я пошла в школу, и у меня появилась обязанность — ходить за молоком на другой конее села с трёхлитровым бидоном. По дороге можно было найти какое-нибудь изумительное цветное стёклышко или осколок узорчатой чашки.

«Дорогая мамочка, я уже перешла во второй класс! Твою посылку мы получили. Большое спасибо! Очень вкусные апельсины! Какие красивые чашки с блюдцами! И какая красивая клеёнка! Мы живём хорошо! Каждый день мы с папой гуляем около дома. Папа нам варит вкусную картошку. Ходим за молоком всей семьёй. Мама, ты не беспокойся о кроликах, они все живы и здоровы. Ходим за травой и кормим кроликов. Бэн бдительно караулит наш дом. Большой привет тебе передают тётя Настя и дядя Гриша. Ждём тебя домой. В день защиты детей мне и Наташе подарили по кукле».

Дедушка часто у нас бывал, да и мы охотно навещали к нему в Валки. Трёхчасовое путешествие по лесной дороге казалось мне опасным и таинственным приключением, ведь в лесу могли таиться волки, медведи, а также разбойники, бродяги и страшные мужики. Самым гиблым местом считался Белый бугор. Здесь, в песках, нередко застревали машины.

Дома в Макарьеве

Бабушка, дедушка, прадеды

Бабушкины родители, Василий и Анна Гольшевы, сами из Валков, в начале 1910-х несколько лет жили в Казани — прадед проходил военную службу на казанском артиллерийском складе в чине старшего унтер-офицера.

В 1913-м прабабушка Анна Семёновна уехала в Валки рожать Клавочку, а прадед был заброшен на китайские территории, откуда ему вернуться не удалось: в России случилась революция и гражданская война. По одним сведениям Василий погиб в 20-е годы, по другим — женился на чужбине второй раз и даже заимел дочку. Эта вторая версия хоть и зыбкая, ненадёжная, но уж очень хотелось верить, что прадед дожил до седых волос, найдя покой на китайской земле.

Дедушка, Пётр Степанович Булатов — родом из Самарской губернии. Его мама Ольга Даниловна была домохозяйкой,

Прадед Василий Гольшев (в центре)

Василий Гольшев и Анна Семёновна

*Степан Михайлович
Булатов*

*Пётр Степанович
Булатов*

*Клавдия Васильевна
Гольшева*

отец Степан Михайлович — сельским учителем и церковным регентом.

В нижегородских краях дедушка оказался, приехав к старшему брату Владимиру, тут и остался учительствовать. А с будущей супругой Клавдией Васильевной Гольшевой познакомился на курсах повышения квалификации учителей в 1937 году.

Бабушка и дедушка, оба учителя русского языка и литературы, были в Валках людьми уважаемыми. Дедушку выбирали депутатом и народным судьёй. Одним он помогал выхлопотать пенсию, другим — писал прошения в разные места — почерк у него был каллиграфический, третьих выслушивал, четвёртых — мирил, пятым — помогал деньгами. Он виртуозно играл на баяне и балалайке. Бывало, зарядит на трёхструнке «Светит месяц, светит ясный», так ноги сами в пляс пускаются. Был он лучшим в селе учителем. Иногда ребята сбегали с других занятий, чтобы посидеть на его уроках, и он никогда их не выгонял.

Бабушка играла на гитаре, слыла большой умницей. В семье рассказывали: из всех учителей Лысковского района, которым устроили диктант на грамотность, она оказалась единственной, кто написал его на «отлично». Бабушка и дедушка в разных классах вели у мамы русский и литературу. Но спрашивали с неё всегда строже, чем с других.

Оно и понятно, чтобы зазря не говорили, что учительской дочке ставят пятёрки по блату. Бабушка очень сильно болела ревматоидным артритом, у неё были поражены почки, ходить, двигаться было тяжело. Она перешла на работу в школьную библиотеку, но вскоре инвалидам запретили работать. Стали жить на одну зарплату, но никто не жаловался.

Мама

Все заботы по дому были на дедушке и маме. Он учил её жарить рыбу, готовить тесто для пирогов, печь плюшки, гладить брюки, пришивать заплатки, пилить дрова. В десять лет мама обстирывала всю семью, в двенадцать доила корову, делала творог и даже ездила одна в город покупать поросёнка.

Как только мама с отличием окончила семь классов, дедушка отвёз её документы в Горький: было решено, что она выучится на фельдшера-акушерку. Все мечтали, что в семье будет свой доктор. После четырёх лет обучения мама — ещё до поступления в медицинский институт — два года работала фельдшером на селе. Но медицина оказалась бессильна против давней коварной болезни бабушки. Она умерла на глазах у моей мамы в макарьевской больнице. Дедушка после этого так и не женился, остался один до конца дней, воспитывая 16-летнего сына Вову.

Мама и дедушка

Из писем бабушки

* * *

Здравствуйте, мои дорогие!!! Сегодня получили вашу посылку — 5 электролампочек, за которые большое спасибо. 25 ноября нам провели электросвет. Керосину почти ничего не идёт. Свет даёт колхозная электростанция, а с июля включают государственную энергию — от Городецкой ГЭС.

* * *

Я ни разу не помню, чтобы я когда-либо не проводил экзамены. Почему-то мне «везёт». Всю жизнь веду старшие классы. Мне кажется, я сам виноват. Раков и другие учителя ведут до 6 класса, а потом 7—8 классы передают мне на «выучку».

Мама сегодня в школу не ходила, немного заболела. Но к вечеру стало лучше, и она пошла в садик и стала окапывать яблоньку. Хотя я её не велел этого делать.

* * *

Здравствуй, наша милая общая доченька Гуль-Гуль, Гоголь-Гоголь, Кис-Кис-Галочка! Как ты, милая, поживаешь? Есть ли у тебя няня? Как ты себя чувствуешь? Не болеешь ли? Мы очень о тебе беспокоимся. Не стало у нас в доме Гуленьки и в избе чего-то не хватает. Ну, ладно, как-нибудь всё уладится. Но мы боимся, что на чужих руках ты будешь как сироточка и можешь заболеть. Но будем надеяться на лучшее. Нет безвыходных положений в жизни...

* * *

Директорство скачал Антонине Ивановне, приневолили быть завучем школы. Маме дали 17 ч. в неделю, но, вероятно, ей работать не разрешат, так как она инвалидка 2-й группы. Ну, не будет работать, так ещё лучше. И так проживём хорошо.

* * *

Молодец, доченька, отлично получить на государственных экзаменах весьма трудно. Надоела тебе, чай, эта муштра. Ну, ещё немного и зубрить уже будет не надо. Ваню поздравляю с начинанием самостоятельного оперирования. Лиха беда — начало. Я думаю, что Ваня будет неплохой хирург.

* * *

Тебе, Нина, мой единственный и серьёзный совет: я 35 лет проработал в школе и за этот период времени в моей жизни было много печальных и, казалось бы, безвыходных случаев. Я на них не реагировал так болезненно, я внушал себе, что это не вечное явление, а иначе бы меня давно не было на этом бренном свете. Я редко слышал, чтобы РОНО нам, учителям, пело хвалебные дифирамбы: все находили какие-то недостатки. Учителей «прорабатывали» на учительских конференциях, где присутствовало 700 человек. Этим многих роновщиков давно нет в живых, а те оплёванные учителя живут. Береги свои нервы. Запомни басню: *Баран с крыши высокого дома ругал Волка. Это не ты меня ругаешь, — сказал Волк. — А кто же? — А то высокое место, на котором ты случайно оказался.*

* * *

Вова пришёл из армии 8/XI, из Германии ехал пять суток: от Германии до Майкопа летели на самолёте. 11/XI его позвали на вечер к Гуськову Юрке, и я, пользуясь отсутствием Вовы, решил заглянуть в его тайник — чемодан. И обнаружил: у него имеется значок «Отличник Советской Армии» и удостоверение на рационализаторское изобретение: приспособление для контроля натяжения гусеничной ленты для танков. Но Вова об этом ни мне, никому не сказал. А вчера из воинской части я получил от командования письмо, в котором была Благодарность о службе Вовы в армии. Сегодня

приехал В. Вологжанин из Казани, и они пошли с Вовой на Керженец ловить рыбу.

* * *

Ваше письмо получил и одобряю, что продали свой драндулет-автомашину. Всё она, бедная, извела: макарьевские ухабы громадные, бездорожье, пургу, горы Кавказские, жару, перевалы, хребты, дорогу московскую, ульяновскую пургу, где мы сутки стояли в степи, где нас тащили на буксире, руками, да и чёрт знает на чём. Притом она извела ветлужское бездорожье, где вы застряли в грязи. В общем, работяга-мученица была машина. О погоде: дрянь, гололёд страшный. Много людей разбили башки, поломали руки, ноги. На Сундовике мост снесло.

* * *

У нас в магазинах нет из продуктов ничего, я имею в виду мясо, рыбу. Говорят, что в Чебоксарах ввели карточки на мясо. В Горьком нет ни колбасы, ни рыбы.

Нина, просьба купить польские лезвия для бритья. Они, десяток, стоят один рубль, а наши лезвия — 25 коп. Но наши такая дрянь, что бриться ими невтерпёж. Вова свою электробритву подарил товарищам в Германии.

* * *

Получил письмо и твоё, Галя, стихотворение «Тополя». Молодец, продолжай писать. В нашем роду мой отец, будучи сельским учителем, также писал стихи, и одно стихотворение им написано на фотокарточке, когда он служил на царской службе. Мой старший брат Владимир также писал стихи. Попробуй хоть одно-два стихотворения послать в редакцию вашей газеты. Много было случаев, когда поэтов, писателей сначала не признавали, а потом они стали самыми желаемыми и талантливыми.

* * *

Молодец, Наташенька! Музыка — вещь прекрасная. Но мне неясно: почему ты думаешь избрать музыкальный инструмент — скрипку? Правда, скрипка называется царь музыки. Но на этом царе никто, никогда один на сцене не исполнял номера. Царь-скрипка обязательно требует другой музыкальный инструмент: пианино, баян, даже гитару, балалайку. Правда, скрипка «поёт», «плачет», но тогда, когда её кто-либо аккомпанирует. В прошлом 19 веке у нас да и за границей не было ни одной женщины-скрипачки. Они были во множестве пианистками. Наташа, подумай хорошенько и смени-ка свою мечту о скрипке на пианино. Придут гости, ты им что-нибудь сыграешь: песню и даже «барыню».

* * *

Вова сделал на заводе какое-то рационализаторское новшество. С Ниной живут хорошо.

21 июля Нина родила мальчика. Завтра, если позволит погода, поедем все смотреть Саньку. Я ходил за Керженец, чтобы сделать разведку и узнать, будет ли в этом году шиповник. И оказалось: когда он цвёл, ударили морозы, и всё погибло. Говорят, будто бы на острове, против Красной Горки, на высоких местах есть шиповник.

* * *

Всё в одном положении: не знаю, куда деваться от тоски. У меня как нотариальная контора. Приходится чуть не каждый день кому-либо что-либо писать. Уж кто ко мне не ходит! Из разных посёлков. А я отказать не могу. Пишу в Москву помилования для осуждённых, и вдобавок разбираю сельские различные конфликты между соседями и мужа с женой. Валковское старое кладбище в этом году будут сносить. Я написал заявление в Президиум Верховного Совета, чтобы от переноса кладбища воздержались, по-моему, убедительное, к нему подписались 87 человек. На результаты трудно надеяться. Но попытка не пытка.

* * *

Мы отрезаны от всего живого. 26 апреля около трёх часов дня я вышел на улицу и увидел невероятное: по лугу бежала волна, которая несла на себе брёвна, срубы, и всё это плыло вверх к Яришку. Ребята, которые отправились гурьбой в лес и там преспокойно ходили, увидев, что вода недуром лезет к сосёнкам, бросились по залитой трассе к Валкам. Они мчались по воде, как нечистые духи, все до нитки промокли и, к счастью, добежали до первых домов. Никто не утонул. Хлеб, почту, людей возили к нам вертолёты. Такой воды на Волге, Керженце не было с 1926 г. Но страшного ничего не было, люди пили, не обращая внимания ни на что.

* * *

Всё валится из рук. Вова не выходит из головы... Вчера купил конфет и кое-кому подал за упокой Вовы, и мне так вчера взгрустнулось, что я плакал*.

29 декабря заканчиваю свою работу в школе. Ученики, как они мне сказали, будут очень жалеть, что я не буду больше их учить. Я ведь к ним не притирался, не оскорблял и, как они говорят, никто им так просто материал не объяснял.

* * *

9 мая участникам войны ничего в магазин не привезли. Дали мужчинам, кто работает в колхозе и в сплавной, по 5 рублей. Михайлов сказал: «Потому не привезли, что дорога плохая». А все магазины завалены вином, водкой, пивом.

* * *

9 июня во многих областях прошёл ураган, который захватил и Горьковскую область. Ураган переходил в смерч,

---

* Володя Булатов трагически погиб в возрасте 25 лет. Его сыну Саше в то время едва исполнился месяц.

ветер в секунду 40 метров, разрушено много домов. Во время урагана я стоял за стеной дома и наблюдал, как он нёс сплошную тучу песка. Я думал, Вовин тополь переломит, но он выстоял, только клён поломало...

Книги

Читать я научилась в пять лет. Первой книжкой был Маршак «Усатый-полосатый». Благодаря книжке ли, по наследству ли от папы передалась любовь к котам: я тащила их в дом, подкармливала на улице, спускала привязанный на нитку кусок колбасы из окна или в подвал, где искали приюта бездомные васьки и мурки. Мама же постоянно избавлялась от свалившихся в дом котов.

Ещё одна памятная книжка из детства — «Алёнушкины сказки» Мамина-Сибиряка. Она до сих пор хранится в мамином шкафу. Но больше всего нравились народные сказки — русские, калмыцкие, болгарские, арабские, таджикские — какие угодно. Теперь-то можно признаться, что я зачитывалась ими вплоть до 9 класса.

А как было оторваться от захватывающих приключений Робинзона Крузо в иллюстрациях Жана Гранвиля!

Родители нередко оставляли нас с сестрой на попечении тёти Насти и дяди Гриши, живших через дом. Соседи заботились о нас, как о родных — у самих детей не было.

Две комнаты, одна из которых передняя. Там царил идеальный порядок, на кровати с металлическими шпешечками возвышалась гора подушек с накидкой, а из-под покрывала свисал красивый подзор. Иконостас и комод со всякими шкатулочками, скляночками. Половики, кое-где прикрытые плотным целлофаном — чтоб не грязнились. Изредка нам дозволялось сюда входить, но чаще всего жизнь протекала в задней комнате, где топилась печь и варился обед. На стенах висели репродукции картин Васнецова в плотных картонных золотистых рамках: «Алёнушка» и «Иван-царевич на Сером

С сестрой Наташей

Волке». Там, сидя у окна с видом на сиреневый садик, я открывала книгу без обложки про приключения первобытных мальчика и девочки — «Угу и Тём»... Много позже интернет подскажет имя автора — Нино Накашидзе.

Моменты

Второй класс, записка от Толи Сорокина, перехваченная учительницей. С самым серьёзным видом, едва сдерживая себя, она прочла вслух: «Эх, яблочко, да на тарелочке, надоела мне жена, пойду я к девочке».

В третьем классе я сочинила сказку в стихах о волке и зайце. Особой гордостью были строки: «Вдруг за кустиком ракиты он услышал храп сердитый». Обнаружив мои поэтические эксперименты, мама подарила книжку стихов Фета. «Бабочка» вызвала совершенный восторг:

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла...

У нас с сестрой была своя комнатка, отделённая от передней комнаты перегородкой с двумя входами по бокам и круглой печкой-голландкой по центру. Выходило, что у каждой — свои хоромы. Мы в образах Галины Ивановны Вишневской и Натальи Ивановны Калининской постоянно «ходили в гости» друг к другу и то и дело менялись будуарами. Везде были свои преимущества, если их умело расписать.

Например, желая «переехать» в более просторную светлую половину с окном, я красноречиво убеждала сестру, что другая, тесная половина более уютная, к тому же там висит волшебный ковёр с оленихой и оленятами, а также есть подтопок: у неё будет чудесная возможность наблюдать, как горят дрова и дрожит печная заслонка...

Лет в десять я возьму да и выдумаю, что, дескать, вот есть слово «соль» — так оно точно мужского рода, а слово «душ» — наоборот, женского. И правильно следует говорить «я посыпаю хлеб солем» и «я моюсь под душой». Сестра почти поверила.

Дедушка тоже любил подшутить. Бывало, даст Наташе конфетку, та в предвкушении разворачивает фантик а там — хлебный мякиш. Теперь в магазинах такие конфеты, смеясь уверяет дедушка.

Папа завёл в дровянике кроликов. Однажды крысы обгрызли им лапки, а у нас появились зимние кроличьи шапки.

Папин кабинет, точнее, фотолаборатория. Волшебные моменты: он колдует с фотоувеличителем, достаёт из пачки гладкую или тиснёную фотобумагу, отсчитывает секунды выдержки, ловким пинцетом поочерёдно опускает фото в ванночки с проявителем, водой, фиксажем. И всё это — в колдовском свете красно-жёлто-оранжевого фонаря!

«Бэн, лежать!» — рука папы принимает горизонтальное положение, и щен, потомок овчарки и сибирской лайки, всеобщий любимец, послушно ложится. «Сидеть!» — рука от локтя поднимается вверх. Когда пришла

В Макарьеве

пора уезжать на новое место, папа скрепя сердце отдал собаку соседу, заядлому охотнику.

Прощай, Макарьев!

Я на пятёрки окончила три класса. И вдруг пошли слухи, что Макарьев затопит из-за строительства Чебоксарской ГЭС. Под воду уйдёт не только посёлок, но и старинный Макарьевский монастырь на высоком берегу. Люди стали спешно выезжать — в Горький, Лысково и другие места. Папа прочитал в газете заметку о строящемся городе с красивым звучным именем Тольятти. Любитель путешествий, лёгкий на подъём, он тут же уехал за семью километрами на разведку обстановки. Новый город нуждался во врачах — папе сходу предоставили общежитие, а через пару месяцев изолированную малосемейку.

Тольятти

С новой подружкой Наташей мы допоздна гуляли во дворе, промышляли на стройке в поисках слюды и гранита, а при случае прогуливали уроки. На школьной фотографии в четвёртом классе мы и ещё две подружки, сбежавшие накануне с последнего урока, — в чёрных фартуках, а весь класс в парадной форме.

Мама меня постригла. Коса с заплетённой лентой время от времени скучала по своей владелице. И я, вчера ещё со стрижкой, нынче опять с косой. Лазаем с подружкой на детской площадке. Внезапно коса отваливается, вызывая удивление окружающих. Ничтоже сумняшеся засовываю косу в карман и продолжаю покорять лазелку.

На зелёной тетрадной обложке надпись «Самоцветы». Я — писатель, художник и редактор в одном лице — старательно украшаю рисунками только что написанную сказку. Ребусы и загадки подсмотрены в «настоящих» журналах.

Через год мы въехали в новую трёхкомнатную квартиру — папа сам выбирал подъезд и этаж (второй).

Подружка Ира жила через стенку, в соседнем подъезде. Случалось, что перелезали из лоджии в лоджию. Перестукивались, общались через розетку или форточку при помощи двух спичечных коробков с натянутой между ними леской — это изобретение я подсмотрела в «Юном технике».

Валки

Каждое лето мы приезжали к бабушке в Валки. Двухэтажный полукаменный дом, почти такой, какой был у нас в Макарьеве. Только весь первый этаж представлял собой кладовую с массивными коваными узорчатыми дверями, на которых красовались цифры 1899. В кладовой хранились соленья, велосипеды и всякое барахло. С деревянного крыльца лестница вела на второй жилой этаж. Над кроватью, где я спала, висела большая репродукция Левитана «Золотая осень».

«Здравствуйте, дорогие мамочка и папочка! Мы живём хорошо. В понедельник 23 июня к нам пришла тётя Настя и забрала Наташу. Тётя Настя купила нам конфет, по платью и дала мне 2 рубля. Сейчас Наташа живёт у тёти Насти и дяди Гриши. Мама, обо мне не беспокойся. В лес одна я не хожу, на болоте не купаюсь и спичек не беру. На Керженец я хожу с бабушкой. Мы были там всего 2 раза, потому что часто идут дожди и стоит холодная погода. В субботу мы с Наташей мылись в бане. Я одеваюсь тепло. Утром я хожу в платье и кофте, а вечером на кофту надеваю свитер. Я здоровая. Я расчёсываюсь и умываюсь каждый день. Мамочка, я уже накопила 2 рубля 5 копеек. У бабушки я сама заправляю койку и подметаю полы. Внизу я сделала клетку. Мы там играем. В клетке мы хорошо прибрались, вымыли полы. Люда ходит днём в школьный лагерь. Когда она придёт, мы играем. А когда Люда в лагере, я гуляю или

читаю книги. Наташа тоже не болеет. Мама и папа, я об вас соскучилась. Мама, поскорее выздоравливай!».

Чёрное море

Первый раз я увидела Чёрное море, когда мне было шесть лет. И вот папа снова везёт нас на юг! Мимо проносятся города, деревеньки, речки, мосты, поля, леса, пригорки, овраги, машины и облака. Папа любит скорость. Трасса позволяет выжимать до 140, что приводит маму в волнение. Она хватается за ручку вверх, пытается «затормозить». А мы с сестрой счастливы. Сидим на заднем сиденье вишнёвой шестёрки и распеваем во всё горло только что придуманную песню:

Жигули — моя машина,
Я катаюсь в ней.
Ничего не нужно больше,
Кроме Жигулей!

Папа улыбается. На заднем сидении у нас царство — среди одеял, подушек и сумок с провизией. Пейзаж постепенно южнеет. Папа с восторгом смотрит на плодовые деревья обочь дороги. Искушение попробовать их слишком велико. Вот он, юг — долгожданный, цветущий, солнечный, плодоносный! Здесь, в бирюзовой толще Чёрного

С папой на Чёрном море

моря, плавают медузы, а на берегу сверкают белые круглые камушки, которые так и хочется увезти домой.

По серпантину горных дорог — к озеру Рица. Сухумский ботанический сад и субтропические ливни. Бронзовый загар и кактусы. Горы фруктов и продавцы, выкрикивающие: «Падхады, налетай, апельсин пакунай, рубл — кучка, в кучке адын штука».

Пионерский лагерь «Алые паруса»

«Здравствуйте, дорогие папочка и мамочка!!!

Я живу нормально, но иногда бывает скучно. Обязательно приезжайте 11 июня в родительский день и, пожалуйста, привезите 1 рубль на фотографию и ещё чего-нибудь вкусенького. Меня и всех остальных проверил врач и назначил мне ужасно много: ингаляция, бициллин какой-то, витамины... Потом мы выжимали силу. Я выжала правой рукой 18 кг, а левой 19 кг. Нас взвесили: я вешу 35 кг 250 г. И ещё дыхание проверяли. Мы вдохнули воздух, а потом выдохнули. У меня 2000. И у большинства тоже 2000. Библиотеку у нас пока не открыли. 2 июня был смотр песни и строя. Среди старших подгрупп мы заняли 1 место. А среди младших подгрупп 1 место занял 4 отряд, как раз там живёт Наташа».

Папа

У нас появилась дача за Яблоневым Оврагом. Папа сам построил двухэтажный домик интересной конфигурации: второй этаж был врезан поперёк крыши и смотрелся, точно домик в домике. На первом этаже папа отгородил место для парной, поставил ванну, в общем, обустроил всё с любовью. Работал он увлечённо любимым инструментом — с крестьянской добротной хваткой. Бывало, что-нибудь мастерит и приговаривает: «Шей-бей, приколачивай, с боку на бок переворачивай!» Вообще, у него было много любимых словечек и выражений.

Бадранья
 Галь, Галь, миленькая Галь
 Едьба
 Обидно, досадно, а подумаешь, так ладно
 Пейте, ады, хватит воды!
 Семнадцать лет, а грудь как колокол!
 Шахиншах, режь и погребуй!

Родом из Кировской области, папа был пятым ребёнком в большой семье, младше — только сестрёнка. С девяти лет он работал в колхозе — возил мешки с зерном, управлял быком. Однажды бык заупрямился и сбросил мешки, зерно рассыпалось. Собирал по зёрнышку. Тяжёлое было время... Старшая папина сестра Тоня шестнадцати лет умерла от голода. Мать чуть не посадили в годы войны за несколько поднятых с поля колосков.

Папа

В школу, когда тепло, бегал в лаптях. А зимой не в чем было — дома сидел. Отслужил на Дальнем Востоке, был командиром роты. Показатели по спортивной подготовке у него были самые лучшие в роте, и он, например, легко выдерживал груз нескольких человек, которые вставали ему на грудь.

Был талантлив в математике — в армии делал сложные расчёты для ракетных установок. Прекрасно рисовал: его цветы и лебеди были как живые. Увлекался собаководством, шахматами, фотографией, моржеванием, разводил кроликов. Папа легко выжил бы в любых условиях: он умел

строить дома, бани и лодки, делать мебель и бочонки, вязать рыболовные сети, водить машины, копать, сажать, выращивать любые культуры, изготавливать вино. Заядлый путешественник, рубаха-парень — и при этом доктор, обладавший невероятно лёгкой рукой.

Папины письма

* * *

Нюночка, здравствуй!

Из Зуевки ехал на автобусе 30 км, а потом ещё пешим километром восемь, и вот уже в деревне прожил два дня. Здесь с братом ходил в лес за грибами, набрали на грибовницу, очень вкусная получилась! Земляника тоже есть, а малина ещё не созрела. Погода здесь стоит не очень жаркая, а сегодня был такой сильный дождь, что по дороге сразу пошла вода. И вот я жду, пока подсохнет немного, а потом пойду к маме. Конечно, всё не опишешь, я лучше потом всё расскажу, когда приеду в Горький. Эх, Нина, как было бы хорошо, если бы ты была вместе со мной! Было бы гораздо веселее проводить вместе каникулы. Нюночка, пиши, чем занимаешься в свободное время, какие кинофильмы смотрела? А здесь кино бывает нечасто. Вчера посмотрел кинофильм «Первое свидание», хотя я смотрел его в Горьком. Сегодня будет кино «Прыжок на заре», тоже я видел его, но придётся ещё раз посмотреть. Клуб от нашего дома очень близко, метров 50.

До свидания! Жду ответ.

С приветом — Ваня.

Кировская область, д. Вахруши

* * *

Нюночка, как я рад, дорогая, что ты написала мне письмо. Но, признаться, я не ждал его, потому что не написал тебе фамилии нашей хозяйки. А вот сегодня мне вручили его, почтальон принёс вместе с газетами, ну и, конечно, я

не поверил и поспорил с Ваулиным на поллитру, ничего не поделаешь.

Как уже тебе известно, мы копаем картофель. Дня два или три я возил картошку на автомашине в корзинах. Вчера работали до 3 часов без обеда, а сегодня норму выполнили к 12 часам. Продукты нам выдали ещё на три дня, т.е. до 26 сентября. По всей вероятности, в субботу будем в Горьком, так что мы должны встретиться в условленном месте.

В свободное время читаем, играем в домино. Кино ни разу здесь не было, а вечеринки в клубе каждый день. Клуб очень маленький, танцы больше под радиолу, только очень плохой звук — не то, что в нашем общежитии. Да и вообще, Нина, как-то не интересно посещать эти вечеринки; сама знаешь, когда нет рядом любимого человека, то и настроение другое.

Ниночка, милая, как я хочу, чтобы мы были всегда вместе!

На этом закончу своё небольшое письмо. До скорого свидания!

С приветом — Ваня.

Извини, что писал карандашом, бумаги кой-как нашёл, а чернил и ручки не нашёл, адрес писал тушью, а перо еле пишет.

* * *

Привет из Горького! Ниночка, здравствуй!

Большое спасибо за поздравление с праздником, только не совсем будет весело здесь без тебя. Ну что ж, приходится мириться на этом, видимо, такова судьба.

Сегодня пришёл с работы в 7 утра, часок отдохнул и стал собираться на занятия. Первые два часа была гистология практическая. После этого я пришёл в общежитие, потому что сегодня я там дежурю. В праздничные дни я не работаю, ещё не так холодно, и в то же время в классах, где я работаю, занятий в эти дни не будет.

На этом я закончу писать, а тебя, Нина, буду ждать 8-го ноября. С приветом — Ваня.

* * *

Нина, здравствуй!

Хочу сообщить, что анатомию сдал в 12 часов. Пришлось снова ехать в общежитие, вернее, в библиотеку за справкой, после чего уже получил зачётную книжку. Сегодня ходил на каток, катался два часа, даже ноги сильно устали. Правда, там не было света и музыки, и лёд сегодня сильно поцарапан, местами даже имеются глубокие ямы, так что в темноте здесь нетрудно упасть, но я не падал, а потом эти ямы стал обходить. В 9 часов вечера пришёл с катка.

Милая Нина, ну что я могу написать о том, что ты мне говорила. Раз мы любим друг друга, так, я думаю, нам нужно будет непременно пожениться. Пусть об этом знают твои родные, и они, по всей вероятности, ничего не будут иметь против.

До скорой встречи, Ниночка!

С приветом — Ваня.

Горький, Медгородок, общ. N 5

* * *

Ниночка, поздравляю тебя с днём рождения, желаю успешно закончить институт, благополучно приступить к самостоятельной врачебной работе, не боясь встречающихся на этом трудном пути различных преград, желаю доброго крепкого здоровья, семейного счастья!

Любящий тебя твой муж Ваня.

* * *

Нина, здравствуй!

Письмо твоё я получил 1 августа. Несколько раньше пришло письмо из Валков, т.е. от Гали, Наташи и папы — три письма в одном конверте. У них всё хорошо, Галя ходит с подружкой по грибы. В общем, они там не скучают. Итак, 19 августа поедем за детьми. Лечись и ни о чём не думай.

А у меня сейчас дел невпроворот. Взятся за строительство домика, помогает мне Фёдор Иванович. Цементу у

Зорова наскребли с Федей со дна ящика только один мешок. Три мешка достали в старом городе через его знакомых. Цемента хватило, а вот за песком пришлось сходить на соседний участок, что расположен сзади нашего, внизу. Взяли 5 мешков.

Сегодня снова жду Фёдора Ивановича, чтобы поехать на дачу и сделать крышу. Вдвоём-то очень хорошо. Он просто молодец. А кирпича-то на веранду не осталось, весь, каналья, ушёл на домик. Ну ладно, веранду сделаю деревянную, Федин товарищ обещал помочь строительным материалом. На крышу досок, наверное, насобираем. Придётся доски брать с боковой изгороди, а загораживать сеткой и коротенькими дощечками.

Вчера полил помидоры и клубнику. Погода стоит солнечная и жаркая. Огуриов будет, видимо, очень мало, всё пустоцвет. Арбузы ещё не цветут. Всё это пустая затея, они не успеют вырасти, да и дыни то же самое. Надо сажать их в апреле-месяце под плёнку.

Завтра получу деньги, вышлю тебе 25 руб., заплачу за квартиру, за гараж и партвзносы. Денег не хватает. Пришлось брать с книжки 25 руб. Питаемся кой-как. Покупаю свежемороженую рыбу (минтай), жарим, на даче варим уху со свежей картошкой, с луком и укропом. Покупаю яйца, едим варёные и сырые. Сегодня купил колбасы 0,5 кг по 2 р. 10 коп.

Дорогу на дачу сделали хорошую, уже всю покрыли щебёнкой.

Нина, две банки компоту забродили, крышки вышибло, запахло вином. Запах почуял Фёдор Иванович, когда с ним приехали с дачи после ночевы. Пришлось жидкость слить в бутылки и поставить на вино. Письмо в Москву я отправил в конце июля. Не знаю, вышлют ли сольфеджио Наташе. На этом писать закончу. До скорой встречи, моя дорогая! Целую крепко!

Писал на работе, часто прерывали. Ваня.

Тольятти

* * *

Здравствуйте, папа, Ниноля, Галочка и Наташенька! Сегодня получил от вас письмо, которое шло 20 дней!

Завтра всей группой едем на Всесоюзные лыжные соревнования, которые будут проходить в горах. От Тбилиси надо ехать на автобусе километров 60. Там, говорят, курортное место, очень красивое. Снега около 2 метров толщиной. А 30 марта запланирована экскурсия по маршруту Тбилиси — Мухета — Гори — Тбилиси. В общем, расходы большие. Купил спортивный костюм эластик, т.к. скоро в шерстяном будет жарко, а занятия в зале с нами проводят каждый день по целому часу. На себе изучаем все комплексы лечебной физкультуры.

Наташе купил 10 нотных тетрадей, надо ли ещё? Купил зеркальные солнцезащитные очки за 9 руб., если понравятся, подарю кому-либо из вас. В горах очень белый снег и ярко светит солнце, без очков, говорят, ослепляет глаза.

Русских здесь мало, в основном, одни грузины. Молодые грузинки очень красивые. Город Тбилиси со всех сторон окружён горами, на которых ещё лежит снег. На улице холодновато. Грузинки ходят в шубах (дублёнках) и кожаных пальто. Весь март ожидается прохладным.

На этой неделе изучали физиологию и нейроэндокринную регуляцию (лекции), а также ВК (функциональные пробы, антропометрию). Основные предметы — это лечебная физкультура и врачебный контроль. Все остальные — вспомогательные.

Артериальное давление у меня как будто нормализовалось. Сегодня замеряли ребята — 115/80. Решил регулярно бегать 10 км. Вот мои результаты: 18 марта — за 1 час; 20 марта — 58 мин; 21 марта — 56 мин. Быстрее, пожалуй, пока не надо, а потом можно ещё чуть-чуть сократить время — до 55 мин. Удивительно то, что это расстояние пробегаю очень легко, есть желание ещё бежать.

18 марта ходил в сауну, хотелось после этого выпить

пива, но воздержался и купил минеральной воды «Боржоми». Один врач (29 лет) решил бросить курить и вот уже целую неделю не курит.

Иногда играю в шахматы. Жить здесь нам осталось ровно два месяца. Хочется домой, я очень скучаю...

Тбилиси

* * *

Здравствуйте, мои дорогие Нинэль, Галочка, Наташенька и ваш дедушка Пётр Степанович! От всей души поздравляю вас с праздником 1 Мая, желаю всем успехов в труде, отличного здоровья, бодрого настроения, радости и счастья! Главное — чтобы не было войны. Обстановка в мире очень напряжённая. Империализм в лице США продолжает гонку вооружений, испытывает ядерное оружие, несмотря на призывы Советского правительства.

Нина, нужных колготок здесь нет. Надо ли нам белого ситца на простыни по 1 р. 90? Спортивные костюмы (трико) только 46 размер.

Как ваше здоровье? В спортклубе, наверное, уже получили моё письмо. Как они отреагируют на него? Может быть, 0,5 ставки мне всё же оплатят...

После школы

Окончив 10 классов, я решила продолжить медицинскую династию. Хотя чуть раньше мечтала стать заправским фотографом или вообще выучиться на океанографа. Магический корень «граф»!

Конкурс в медучилище оказался похлеще, чем в иной вуз: 9 человек на место. Брала только медалистов. Не спасла пятёрка по химии и 5/4 за сочинение. Впрочем, оказалось, что всё к лучшему: я вдруг поняла, что боюсь вида крови: ноги сразу становятся ватными и надвигается полуобморочное состояние.

Учиться в хлебопекарном училище было легко. Тесто, формовка, расстойка, шнеки и нории, батоны и баранки — через год воплотились в красном дипломе.

Всё же высшее образование в семье считалось само собой разумеющимся. К тому же пекарь отлично рифмовался с библиотечкарем. А «граф» на этот раз спрятался в «библиографе».

И я поехала в Куйбышев, чтобы поступить в институт культуры.

Письма студентки

* * *

Здравствуйте, дорогие мама, папа и Наталья Иванович!!!
Привет вам из совхоза «Юбилейный». От Куйбышева мы ехали 50 минут на автобусе. Студенческий лагерь «Юность» — это огороженная территория с домиками, столовой, душевыми и т.д. Мы живём в 5 домике, в комнате 23 человека. Встаём в 7 утра, после завтрака выходим на работу. Работаем до часу, потом обед, отдых и в 15 часов снова на работу до половины седьмого. Времени свободного нет, но это даже хорошо, некогда скучать. Мы работаем на уборке огурцов, помидоров, кабачков. Немножко устаём, но настроение бодрое. Мне уж вот третью ночь хорошо спится — никаких снов. Кормят здесь как на убой. В субботу нам устроят баню. За пределы лагеря не ходим — запрещено.

Институт культуры в Самаре

* * *

Здравствуйте, дорогие мама, папа и восьмиклассница Наташка!!! Нам сегодня объявили, что задержат до 30 сентября. А с понедельника приступаем к занятиям в институте.

Ну, Наташа, ты и даёшь! Попасть в стенгазету в самом начале «жизненного поприща»! Приняли ли тебя в комсомол? Как у тебя дела в двух школах: общеобразовательной и музыкальной? Ходишь ли в фехтовальную секцию и на танцы?

Ты интересуешься, какие обязанности у бригадира. Ну, я тебе скажу, что быть бригадиром совсем не трудно. Это тот же звеньевой в классе. В моей бригаде 7 человек. Нужно расставить людей по рядам, чтобы не было путаницы, обеспечить ведрами, для чего я всегда по пути на поле в первых рядах, т.к. ведра находятся в особой будке, и я хватаю 7 вёдер и сажусь на них, жду, когда придут остальные, иначе останешься без вёдер и будешь собирать в лотки или ящики, которые всегда сломаны. Каждый считает, сколько вёдер помидоры он собирает за день, а в конце дня результаты сообщает мне. У нас норма 40 вёдер в день на человека. Некоторые её выполняют и перевыполняют, а есть сачки. Сегодня утром мы с Наташей С. набрали 13 лотков. А сачки втроём набрали всего 9 лотков. Ещё моя обязанность подбивать на поле, чтобы веселей работали.

Я не болею, питаюсь отлично. Уж килограммов на 7 поправилась. Правда, на поле я худею килограммов на 5. Погода наладилась, жара стоит, как в августе. Послезавтра идём в баню. Сегодня вечером у нас конкурс «А ну-ка, девушки!», вчера был вечер юмора, позавчера вечер-концерт «По вашим заявкам». Я по вам тут соскучилась. Скоро приеду.

* * *

Здравствуй, Наталья Ивановна!

Пишет Вам Галья Ивановна. Ну, как Ваши делишки, Ваше здоровье и здоровье остальных? У меня всё нормально,

инородных образований (шишек) на лбу нет. С чем Вас и поздравляю. Ура! Я б-го приезжаю домой, и мы идём на концерт Михаила Боярского. А я здесь всю фотографирую котов. Одну плёнку уже проявила. В понедельник буду печатать. Сочинила стишок, который называется «Умный кот».

Кот по дереву спускался
Осторожно сверху вниз.
Крикнул кто-то снизу «Брысь!»,
И от страха кот сорвался.

Полетел, и вот — упал,
Две минуты переждал,
Страх прошёл, и кот опять
Стал на дерево влезать.

Вот то место, где сорвался.
Кот немного отдышался
И опять спускаться стал,
Но, к несчастью, вновь упал.

Отлежался, отдышался,
Вновь на веточке повис.
Кот по дереву спускался
Осторожно сверху вниз.

Я вопросы все предвижу,
Для чего, мол, кот опять
По стволу вверх взбирался —
Чтобы шишки набивать?

Вы, товарищи, неправы
(Вот он, бестия, кис-кис),
Просто кот хотел спуститься
ОСТОРОЖНО

СВЕРХУ

ВНИЗ.

Ну вот и всё. Пиши мне! Покедова.

г. Куйбышев.

* * *

Здравствуйте, мои дорогие!!!

Вот пишу вам первое письмо прямо в поезде. Он у нас фирменный, «Жигули» N 9. Мы с Наташей заняли верхние полки купе, здесь так здорово! А Лариса и Оля — внизу. Лежим, песни поём, делимся впечатлениями. У нас тут радио есть, крючки всякие, хоть 100 сумок вешай. Постель чистая, аж лежать страшно. Дверь закрывается, в двери — зеркало. На столике — сахар, тарелочка, цветы и открытка, где нам желают приятного путешествия. По коридору ходит обслуживающий персонал и предлагает нам свежие газеты, журналы, булочки, бифштексы. Мы ничего не берём, а то разоришься. По радио передали, что в Москву мы доедем за 17 часов 30 мин., т.е. прибудем в 8 утра по московскому времени. Уже миновали Новокуйбышевск, Чапаевск, Безенчук, приближаемся к Сызрани. Поезд идёт быстро, плавно. Мы тут расположились, как дома, нам уже чай несут. Подъезжаем к столице.

* * *

А вот вам мой второй привет. Сейчас мы едем в поезде Москва — Каунас. Перед нами прекрасные перспективы, у нас все дни уже расписаны: Каунас, Клайпеда, Рига. Там уникальные музеи. А сейчас я хочу поделиться с вами впечатлениями о Москве. Многого мы посмотреть, конечно, не успели. Но видели Красную площадь, Кремль, Мавзолей (внутри не были), Соборную площадь, Царь-колокол (сфотографировала), Царь-пушку. Были в ГУМе, ЦУМе. Ели эскимо в шоколаде на палочке за 28 коп. Были в кафе «Молочное», вкусно пообедали. Мы целый день ездили в метро. Это как трамвай, только вагон раза в два длинней, и вагонов штук 8—10. Скорость — бешеная. Да, Москва красива. А ещё видели мы шотландца. Он ходил по улице в гольфах, юбке (!) и кофте. Он выглядел так [рисунок]. Народу в Москве уйма. Сейчас мы снова в поезде. Поезд «Литва» купейный. У нас та же компания, снова шутим, смеёмся...

* * *

Привет из Клайпеды!

У меня куча впечатлений. В Каунасе мы пробыли целый день, посещали знаменитые места. Были в музее чертей — есть и такой. Этот музей занимает три этажа. Там один литовец собирал чертей, сделанных из дерева, стекла и любого материала. А позы у чертей самые разные. Один трубку курит, другой с бутылкой и рюмкой сидит. Один чёртик находится в клетке, а клетка закрыта на замок. И ещё мне понравилась такая работа: стоит бутылка стеклянная, а в ней чёрт сидит с рюмкой. [рисунок] Есть черти огромные, а есть и маленькие, там специально для рассмотрения имеется увеличительное стекло.

Потом мы ходили в 9-й форт — бывший концлагерь. Мрачные камеры, кругом вода капает, под стеклом лежат кости, волосы, зубы погибших людей. Нам рассказывали, что отсюда сбежали 64 человека, часть их погибла, остальные ушли к партизанам.

В Каунасе есть Лайсвес-аллея — по ней ходят только пешеходы. Улица широкая-широкая, по обеим её сторонам — магазины и магазины.

Я ходила в музей скульптуры и витража. Он находится в здании церкви. Там постоянно звучит органная музыка.

Вечером сели в поезд и поехали в Клайпеду. Здесь нас встретили радушно, отвели в общежитие. Мы живём на 4 этаже — 8 человек в комнате. У нас под окном постоянно воркуют голуби.

Здесь тоже падает снег, тоже холодно. Продукты мы закупили сообща, так что нужды у нас никакой нет. Нас научили по-литовски несколькими фразами:

— Кур важное? — куда едете?

— Ащ важное и Клайпеда. — Я еду в Клайпеду.

— Лабос ритос! — Доброе утро!

«Торгос» — рынок, «хачо» — спасибо.

* * *

Здравствуйте, дорогие родные и близкие!

Низкий поклон вам от дочери вашей Галины — свет Ивановны. Нахожусь я сейчас в нашем студенческом городке, как называются вместе взятые бараки, столовая, баня и 7 штук туалетов. Так что студенческий городок — это звучит солидно. Сначала о свадьбе. Я ведь уехала из дома 13 июля — свадьба была в Новокуйбышевске. Ну что о ней написать? Было много водки, вина, родственников, которые напились в стельку и орали песни. Молодёжи было мало. Мне показалось, что жениху и невесте было совсем невесело. Я уехала оттуда на другой день. А 15-го вечером мы с Леной сели в поезд. В Урбахе пересели на другой, и в 8 вечера следующего дня были в Астрахани. Кстати, здесь тоже куйбышевское время.

Сели на ракету и через полчаса прибыли в Николо-Комаровку. Лагерь свой нашли без особого труда, не считая того, что с чемоданами сделали 5 километров крюка, т.е. прошли мимо лагеря, приняв его за деревню. Здесь нас встретили песнями и музыкой, поселили в комнаты и накормили. О причинах опоздания спросили как-то вскользь. И то отвечала Лена, что ухаживала за больной бабушкой, а меня даже и не спросили. Оказывается, приехали ещё не все, и тут не удивляются прибытию новеньких.

В нашем лагере 329 человек. Все из Куйбышева или Куйбышевской области. 72 человека ребят, да и те ровесники нашей Наташки. Просто смех! Они из техникумов, с 1-го курса.

Сегодня в обед давали ши наивкуснейшие, кашу гречневую с мясом и кисель. Еле вылезли из-за стола. Мы здесь только первый день, так что ходим, осматриваемся. Завтра выйдем на работу. Подъём — полшестого утра. Работают с 8 до 12 и с 17 до 20, т.е. в общей сложности 7 часов. В среднем в день зарабатывают рубля 3—4. В Николо-Комаровке продают вишню — рубль килограмм, абрикосы — 4 рубля ведро и рыбу сушёную — 25 коп. штука. Девчонки иногда покупают.

А ещё здесь рядом дикий сад, там растут яблоки, мы их едим почти каждую минуту, очень вкусные, кисло-сладкие.

От комаров выдали нам полог. Здесь есть радиорубка, танцы, библиотека, бадминтон. В общем, жизнь будет насыщенной.

Как дела у вас? Наташа, напиши, как сдала сочинение и историю. Поступила? Жду от вас ответа. Галя.

Астраханская обл., Камызякский р-н,
с. Николо-Комаровка, ЛССО «Муза».

* * *

Здравствуйте, дорогие маман, папан и Наталий Иванович!!!

С пылающим астраханским приветом к вам ваша ненаглядная дочь, а также сестра Галина.

Жизнь у меня нормальная, работать, правда, приходится много. На этом сборе помидоры я сначала очень уставала, приходила домой в скрюченном состоянии, но сейчас более или менее привыкла. И мы с Леной даже играем в бадминтон по вечерам. Спим 7 часов ночью и часик-другой удаётся поспать днём. По вечерам здесь бывают дискотеки, и все танцуют, как ни устали. На работу и с работы нас возят на автобусе или на машине. Кормят отлично, мясо — каждый день. И вообще, очень здорово. На работу едем с песнями, с работы — тоже. Работаю в купальнике, загораю. Уже почти как негр. По вечерам у нас бывает линейка, где подводятся итоги за прошедший день. Если вычтут за питание, то за 40 дней привезём рублей по 100, а может, и больше. Работаем без выходных, а в воскресенье на час меньше.

Как у вас дела? Как Наташины успехи? Не было ли мне письма? Если да, то пришлите в чистом конверте нераспечатанное письмо.

Ну ладно, до свидания. Целую вас всех. Жду ответа. Галя.

ЛССО «Муза»

* * *

Здравствуй, Наталья свет Ивановна!!!

Как я по тебе соскучилась! Всё жду писем из дома и конечно от тебя, может, напишешь чего-нибудь этакое интересное. Но пока, увы, писем нет. А они — единственная связь с цивилизованным миром, ибо мы живём тут, как на другой планете. Лагерь так и называется: «Республика Муза». Здесь, конечно, очень здорово. У нас дикие условия жизни, свои праздники, свои законы — короче, своя власть. Утром нас будят в 5 часов. Представляешь, как не хочется открывать глаза и скидывать ноги. Многие так и делают — продолжают спать, пока по радиорубке не пригласят на завтрак. Тогда все дружно выползают из-под одеял и плетутся в столовую, ибо кушать хочется всегда. Мы находимся постоянно в этак-ком чувстве голода. Чтобы не погибнуть голодной смертью, приходится питаться подножным кормом, а именно: на поле пожарить помидоры, из столовой уносить хлеб и посылать делегации в местный Николо-Комаровский магазин. Благодаря набегу наших музовцев этот магазин выполняет план продажи на все 300 %, ибо студенты покупают всё, даже вещи пятилетней давности (конфеты, пряники, печенье).

После завтрака идём умываться, чистить зубы и ещё кое-куда. Это место у нас находится в особом почёте, даже имеется особый указатель-стрелка, на которой написано «Корпуса быстрого реагирования».

Наша работа заключается в том, что мы собираем на полях помидору, но не просто вручную. Наш труд «механизирован». Эта механизация представляет собой трактор, идущий по середине поля. А по обе стороны трактора расположены длинные транспортёры с лотками. Транспортёр движется, мы ссыпаем из ведёр в лотки помидору, а они везут и ссыпают её в один большой лоток, а тот расположен над кузовом машины, которая идёт вслед за трактором. [рисунок-схема]

Весь юмор заключается в том, что эти лотки обладают удивительной способностью переворачиваться далеко

не в нужный момент. И помидора валится обратно на поле, а иногда и на наши головы. Правда, сейчас транспортёр отремонтировали: лотки вообще не движутся. Безобразие экое! Но это не беда. Ведь сбор помидоры — зело приятное дело. Нагибаешься себе и срываешь зелёное чудо. Потом опять. Потом уже перестаёшь нагибаться, ползёшь по грядке вслед за транспортёром. Сверху припекает солнышко, с лица капают осадки (пот), куснёт иногда комар или какая-либо другая тварь. Проползёт мимо червяк или тарантул, да это разве беда. Зато: «радуюсь я — это мой труд вливается в труд моей республики».

К обеду звук наших желудков заглушает шум трактора. Когда мы рухнем на грядки, за нами приезжает машина, нас загружают в неё и везут в лагерь.

Дорога. Она заслуживает особого внимания. Мы едем минут 15—20: то взлёт, то посадка, то пыль, то дожди. Лавка шириной сантиметров в 10, так что не знаешь, какой половинкой сидеть. В машине на 6 лавочках должно сидеть 36 человек. Но мы умудряемся садиться по 45 и даже 50. До сих пор не пойму, чья голова торчала у меня в прошлый раз под мышкой.

В обед нам дают обычно гороховый суп и кирзовую кашу (перловую), которую все сокращённо называют кирзухой. Даёшь нам после поля жареных лягушек — и тех спорили бы за милую душу.

После обеда мы отдыхаем полчаса, и нас снова везут на поле. Мы работаем до 7—8 часов вечера, как загрузим машину. Возвращаемся, как и после утренней работы, с вогнутыми животами. Бросаемся в столовую и моментально опустошаем чашки. На ночь берём хлеб, прячем под подушку. Только вечером мы немного приходим в себя и начинаем что-либо понимать. Отмываемся после поля, стираем носки и перчатки, принимаем душ: у нас есть души, только в них вода с естественным отоплением (от солнца).

По вечерам у нас проходят интересные мероприятия. К примеру, 31 июля был Помидорный Новый год — о, это было

здорово. На деревянные доски, сбитые наподобие ёлки, были навешены кусты верблюжьей колючки, вместо игрушек — помидоры, вместо звезды — помойное ведро. Мы развели костёр и веселились до двух часов ночи.

В нашей пятой бригаде 57 человек, девчонок больше, чем парней. Все парни младше нас. Сначала они не знали, сколько нам лет, думали, мне 16, а Ленке 17 и обзывали нас салагами. Наконец мы не выдержали и показали им паспорта. Они упали в обморок и сразу присмирели. Но ненадолго. Всё так же продолжают кидаться помидорой на поле, засовывать лягушек за шиворот и мазать пастой по ночам. Мы с Ленкой называем их между собой младенцами.

Есть у нас кадр Вася Медведев — трудный подросток. Он очень крепок — про него говорят, что он плечист в области живота. Лодырь ужасный, но зато добрый и юморной, так что обидеться на него никак невозможно. В столовую он бежит самый первый, хватает несколько порций, а если чего-то ему не достанется, начинает громко стучать ложкой по столу. В общем, самый настоящий Вася. На поле он жрёт невымытые помидоры и стреляет ими по транспортёрам, все обляпал. Ещё у нас есть Дядя Юра. Он очень взросло выглядит — хозяйственный, обстоятельный. Будет хорошим семьянином — по всему видать. И ещё у нас много всяких кадров, мы даже им клочки дали. Есть Грек (у него мать чистая гречанка), Кролик, Чеченец, Магомаев (потому что его зовут Муслим), Метр в кепке.

Заканчиваю это письмо уже после линейки. Времени 11 часов ночи, все укладываются спать. Наташа, пиши ответ, буду с нетерпением ждать. Тут знаешь сколько радости, когда получишь письмо! До потолка прыгают!

Я загорела хорошо, особенно руки. Дождь шёл всего 2 раза, а так стоит жара. Лицо тоже загорело, так что глаза блестят белками. Готовься к моему торжественному прибытию 31 августа или 1 сентября.

* * *

Здравствуй, Наташка-промокашка!

Ты, конечно, узнала, кто тебе пишет. Да, это я, твоя сестрица. Музовские фотографии, которые я привезла в Куйбышев, у всех вызвали бурю восхищения, восторга и негодования. Дело в том, что каждый захотел их взять себе. Опасаясь подобного казуса, я запрятала свои фотки подалее и всем говорила, что пока не оформлю их в альбом, никому не покажу. Таким образом я выиграла время и сохранила фотки в ценности. Свете пришлось хуже — она всем показывала, и у неё потихоньку похищали. В конце концов она рассердилась, но к этому времени мой альбом был уже готов, и я с гордостью всем его показывала, рассчитывая, что уж из альбома фотографии не выдерут.

Наши музовские друзья не забывают нас. Вчера, например, приходили Вася с Чилимом. Кто такой Вася, я думаю, ты помнишь, а Чилим — его друг, на фотографии он был в чалме из матроски и с книгой в руках. Так вот эти друзья не взяли с собой какой-либо документ, удостоверяющий их личность, и поэтому наша вахтёрша никак не хотела пускать их к нам в гости. Тогда они решили залезть через балкон. И что ты думаешь? Толстый (!) Вася смог забраться на балкон второго (!) этажа, а тонкий Чилим этого сделать не смог. Пришлось его втащить через столовую первого этажа. Проникнув в общагу, они пришли к нам в комнату и сказали, что хотят есть. Это было немного нескромно, но по молодости их лет мы простили им эту выходку. Но дальше было сплошное безобразие, они оприходовали весь наш хлеб, всё масло, всю банку джема, помидору, выпили весь чай и, поблагодарив, ушли в гости к другим. Вот ведь обжоры. Мы было расстроились, но потом решили, что на дураков не обижаются.

Поскорее было бы 6 октября! Так хочется всех увидеть! Живём мы быстро, дни летят, как птицы. Обязательно (если будет время) почитай Андрэ Моруа. Маме скажи, что

я ем досыта, деньги есть (стипенсия 80 руб. за 2 месяца). Привет папе. Красный ковёр возьми, не спорь. Красный цвет тёплый, ноги не будут мёрзнуть.

Твоя старшая сестра.

* * *

Низкий поклон всем вам из Ленинграда. Буду сразу же делиться впечатлениями без всяких предисловий, поскольку оных (впечатлений) много, а бумаги мало.

Мы ехали через Москву. В Москве у нас был целый день: поезд до Ленинграда шёл вечером. Поездка на метро — одно из самых приятных занятий. Удивительно следующее: лестница эскалатора движется быстрее (или медленнее), чем поручень. В результате чего ваша рука постепенно уплывает либо назад, либо вперёд.

Ходили в музей А.С.Пушкина. Экскурсовод выдала много интересного. Я запомнила, например, что процесс создания произведения у Пушкина шёл прямо на бумаге. Многочисленные рисунки, пометки, исправления до сих пор не разгаданы. Пушкин мог зачёркивать и думать над словом очень долго. А черновики Есенина, наоборот, читаются легко: там нет почти ни одного исправления, потому что Есенин сначала сочинял, а потом записывал.

В Москве мы ели мороженое в шоколаде и пили фанту — апельсиновый напиток. Это пища богов. Ринулись было на ВДНХ, но там нас только прокатили на автопоезде. Было холодно, и мы никуда не выходили, хотя могли зайти в любой павильон и посмотреть на замечательные достижения отечественного производства.

Вечером мы сели в поезд Москва — Ленинград и 2 февраля в 6 утра благополучно сошли на землю, т.е. на асфальт. Поселили нас в общежитие, на 6-й этаж. Здание старинное.

Целыми днями гуляем по Невскому проспекту, по пути опустошая театральные кассы и экскурсионные бюро. Вчера выбрали экскурсию по Ленинграду, и только благодаря тому,

что мы группа. 13 человек. Коллектив! Нас возили в течение 3-х часов по городу.

Ну что собой представляет Ленинград? Слушайте!

Ленинград лежит на 44 островах. В нём свыше 300 мостов. Архитектура — чёткие прямые перспективы. Дома старинные, но высокие (пятиэтажные), строгие. Есть университет и 41 вуз. Университет кончили товарищи Глазунов и Бородин (Наташа, вероятно, знает, кто сии отроки).

Сегодня нам удалось попасть в Исаакиевский собор. Это грандиозно. Сначала нас запустили в какой-то полый узкий и длинный цилиндр и заставили идти вверх по винтовой каменной лестнице. Этот момент мне понравился больше всего: полусвет — полутьма, таинственность, мы поднимаемся, а цилиндр всё уже, лестница всё круче, и все думают, когда же мы взберёмся. Наконец виден свет, и мы стоим на крыше собора. Вернее, на колоннаде, т.к. его глава ещё выше. Фотографировать сверху запрещается. Видимо, это из-за политических соображений, т.к. город просматривается почти весь.

Внутри собора — красотища. Расписан потолок, стены. Всё золотом блистает. Мрамор всех цветов! Иконостас — самое красивое зрелище. В этом соборе есть маятник Фуко. Он подвешен на шнуре к самому центру потолка. Его раскачивают, чтобы продемонстрировать зрителям доказательство Фуко, что земля круглая. Маятник по мере движения туда-сюда отклоняется на несколько градусов. Ставятся особые деревяшки стоймя, и он через определённое время их сшибает. [рисунок]

В Эрмитаж мы идём завтра. Раньше это был Зимний дворец. Коллекция Эрмитажа так велика, что для её осмотра требуется 8 лет при условии: в день смотреть по 8 часов и перед каждым экспонатом стоять по одной минуте.

Завтра же идём и в Кунсткамеру — первый музей в России. Там ещё при Петре I собирали чудные вещи: заспиртованных уродецов и всё то, что «зело интересно».

Каждый вечер мы в театре. Вчера смотрели драму «Аэропорт» в ДК Ленсовета. Здорово!

Интересны названия пунктов питания: Сосисочная, Пирожковая, Закусочная.

Погода — как и у нас, только ветров нет. А так — 14 градусов мороза (сегодня). Но тут многие ходят без головных уборов. Не знаю, чем это вызвано. Наверное, голова меньше потеет. Солнце заходит рано, но светло долго. Белые ночи.

Сейчас мы идём в театр кукол. Спешу. До свидания.

* * *

Здравствуйте, дорогие мама, папа, дедушка и Наталия свет да Ивановна!

С горячим приветом к вам я. Вот мы уже и в Горьком. Сужу в областной детской библиотеке, листаю всякие документы, отчёты, редактирую картотеку. С 24 февраля нас командируют в Шахунью на 5 дней.

Живём мы не в общежитии, как предполагалось, а на квартирах: двое у одной хозяйки, и мы втроём у другой. Комната хорошая, на третьем этаже в пятиэтажном кирпичном доме. Хозяйка угощает нас картошкой и рыбой. Выдала даже всем домашние тапочки. А в первый вечер бесплатно провела нас во Дворец культуры на рок-оперу «Юнона и Авось». Дело в том, что она работает контролёршей. Зовут её Тамара Александровна. Сегодня у меня выходной, и мы с ней вместе пили чай, опять она меня накормила.

Вчера после работы зашли в кафе «Чайка», которое все горьковчане хвалят. Там действительно было здорово. Заказали мы клюквенный напиток и фирменное блюдо под названием «Нижегородский десерт». Это что-то типа мороженого с кремом, орехами и маринованными фруктами. Вкус — специфический, язык проглотишь. За стойками работают мужчины в белых рубашках и чёрных бабочках.

Оказывается, Горький не так уж плох, как его нам описали и каким он нам показался вначале. Мы видели только

окраины, а теперь вот побывали в центре. Дома очень красивые. Какой-то дворец — как сказка. Оказалось, что это Госбанк. Другое великолепное здание — сберкасса.

Сейчас буду заниматься стенографией, потом пойду в баню, а вечером с девчонками гуляем по городу. Здесь есть метро, правда, всего 6 станций.

Пишите до востребования! Дедушке привет! Галя.

С вами были детство и юность...

Эх, яблочко, да на тарелочке...

И ПЕРВОЕ «МОЖНО»

* * *

Сыну было три года, когда он понял суровую правду жизни с ограниченным порой выбором:

- Мам, куда папа пошёл?
- В магазин, сынок.
- За пивом?
- Нет.
- За вином?

* * *

Рассуждаю вслух, какую кашу варить: все крупы кончились, кроме пшёнки.

- Ну, что, сынок, пойдём кашу варить.
- Какую?
- Пшённую. Другого выхода нет.
- Мам, а третий выход есть?

* * *

Ещё несколько памятных изречений из 3-летнего возраста: Увидел мальчиков-близнецов:

- Это два Жени пошли.

* * *

- Сынок, ты взрослый?
- Я только маленько взрослый.

* * *

- Мам, дай ещё конфету!
  - Сын, попа сплунется.
- Сын (радостно):
- И я буду как снеговик!

* * *

- Мам, дай «сив»...
- Какой «сив»?
- Ну, «сив»!
- Не понимаю, сынок.

Видя всю тщетность объяснения на русском, сын пускает в ход свои лингвистические познания:

- Мам, ну cheese.

Только тогда мама понимает, что не выговаривающим букву «р» о сыре проще сказать на английском.

* * *

Мама рассказывает сыну сказку, где хитрая лиса говорит:

- У медведя имечко хорошее, у лисы имечко хорошее, у волка имечко хорошее, у зайца имя худое!

В другой раз сказку рассказывает сам ребёнок:

- У медведя имечко хорошее, у лисы имечко хорошее, у зайца имя дырявое!

* * *

- Сынок, что больше: четыре или пять?
- Шесть!

* * *

От 4-х до 5-ти. Объясняет:

— Тёлка — это большая ёлка.

* * *

Играем в словесную игру. Называю предметы и прошу сына назвать их одним общим словом.

— Берёза, тополь, ёлка.

— Это деревья, — откликается сын.

— Лиса, волк, медведь.

— Это звери.

— Мухи, тараканы, комары.

— Их всех убивать надо!

* * *

Дедушка Ваня задал внуку задачку:

— Два глаза, два уха и один нос — сколько всего будет?

Тот долго и сосредоточенно считает. Все уже занялись другими разговорами, и вдруг сияющий внук произносит:

— Пять!

* * *

Мама прогоняет детей с кухни, где печёт олады:

— Дети, идите в свою комнату, что вы всё время вокруг меня?

Сын:

— Это ты всё время вокруг нас!

* * *

— Сынок, какие грибы ядовитые?

— Мухоморы, поганки, сложные лисички...

* * *

Яше 5 лет.

— Сын, сядь как люди сидят!

— Люди по-разному сидят.

* * *

- Мам, давай начнём новую жизнь.
- ???
- Роди нам ещё одного братика...

* * *

- Мам, как называются эти белые цветочки?
- Это яблоневый цвет. Так цветёт яблоня.
- Что, из них потом яблоки выводятся?

* * *

С дочерью я успела записать «перлы», начиная с двух лет:
Утром раньше всех вставшая Алиса заботливо опекает сонного брата, старше её на год, поправляет ему одеяло. Тот хнычет:

- Хочу печенья...
- Нет печенья, сынок, — вразумляет его Алиса.

* * *

Двухлетняя дочка слышит по магнитофону песню в исполнении Наташи Королёвой:

*Первый поцелуй, первая гроза,
Первое «хочу», первое «нельзя».*

— И первое «можно», — допекает Алиса, восстанавливая справедливость.

* * *

- Дочь надевает на голову синий таз и заявляет:
— Я — милиция!

* * *

Алиса от 3-х до 4-х:
Долго рассматривает на картинке «пяточок» свиньи.
Наконец произносит:

- Какой у неё нос дырявый...

* * *

— Алиса, ты ещё маленькая девочка, и в твоей головке один маленький мозг, — провокационно говорит мама.

— У меня не один (обиженно).

— А сколько же?

— Много, как у вас...

* * *

Мама учит читать Алису слово «СОК»:

— Смотри, «С» и «О» читается «СО». А на конце «К». Что получилось?

— Каша!

* * *

Играем в игру. Называю взрослого зверя, а дочь — его детёнышей:

— Кот.

— Котёнок!

— Заяц.

— Зайчонок!

— Медведь.

— ...Медвежий зайчонок!

* * *

У Алисы в руках игральные карты:

— Это Дама, это Валет, это Король, а это — Трус!!!

* * *

Алиса от 4-х до 5-ти:

После генеральной уборки заявляет:

— А теперь, мама, будем тебе делать генеральную причёску!

* * *

Рассказывает брату:

— А знаешь, кто самые первые поженились? Мадам и Ева!

* * *

Дочь от 6 до 7:

- Мам, кто это воет?
- Собака.
- Какой красивый голос!

* * *

- Я люблю картошку всмятку.
- ???
- Ну, картофельное пюре!

* * *

- А на завтрак нам давали греческую кашу.

Проходят годы, а детский лепет остаётся в моём сердце ярко-освещённой солнечной поляной со множеством полевых цветов...

ПРОСЛАВИТЬ ЖИЗНЬ

Печально до слёз! Кактус, готовящийся стать матерью двух цветков, не выдержал бремени. Одна его длинная «ручка», держащая бутон, в котором уже проглядывали розовые лепестки, отвалилась, а вторая сильно опустилась и держалась только за счёт кромки горшка. Осторожно приподняв согнувшийся под тяжестью бутона стебелёк, положила под него прямоугольник губки. Ещё несколько дней назад я ра-

довалась, увидев две симметричные «ручки» эхинопсиса, они словно хотели обнять весь мир. Ах, несмышлёныши, вы так тянетесь к солнышку, что родительница не может вас удержать!

К вечеру сохранившийся материнский бутон раскрыл нежнейшие бело-розовые лепестки, образующие по форме колокольчик около десяти сантиметров в диаметре. Прекрасный цветок пристально вглядывался в жизнь, а его немигающие белые реснички тычинок словно застыли в восхищении.

На рассвете, а птицы начинают встречать новый июльский день в четвёртом часу утра, я подбежала к окну: чудесный цветок тоже вслушивался в мир! Его раскрывшийся бутон на длинном стебле казался мне слуховой трубкой. Да, милый, вот так начинается утро, и скоро птички трели совсем сведут тебя с ума!

Почему-то успокоившись, снова уснула. Меня разбудил брызжащий солнцем и птичьим перезвоном день, но и ещё что-то. Роскошный цветок победно трубил в свой рожок, аккомпанируя птицам и первому в жизни утру! И я бы наверняка услышала этот звук, будь человеческий слух много тоньше!

К вечеру цветок опустил свой рожок и сомкнул реснички: ровно сутки было отпущено ему, чтобы он смог увидеть, услышать и прославить жизнь.

МАЛЬВА

В одну из душных июльских ночей меня, полузасыпающую, разбудил странный шорох, будто бы с верхних этажей что-то пролетело вниз. В тревожном предчувствии кинувшись к окну, сквозь синюю дымку сумрака я увидела на газоне, прямо под нашими окнами, девушку. С высоты шестого этажа удалось разглядеть и её кружевную сорочку, и бес-

помощно раскинутые тонкие ноги. Мгновенно в голове промелькнула ужасная мысль — накануне дочка поссорилась со своим молодым человеком. Не помня себя, ринулась к ней в комнату. Она стояла перед зеркалом, спокойно расчёсывая волосы. Вздых облегчения. Но там внизу оставался человек! Мы выглянули из окна вместе, дочь увидела то же, что и я. Только теперь мне показалось, что девушка подогнула правую ногу. Вероятно, она жива! Тут же было решено, что дочь и сын спустятся вниз и вызовут по мобильному либо скорую, либо милицию — терять нельзя было ни секунды.

Я напряжённо всматривалась в лежащую на траве фигуру, видела, как мимо неё медленно прошёл сын, покачивая головой и пожимая плечами, затем дочь. О чём-то посоветовавшись, они поднялись домой.

Выяснилось: это так причудливо в ночи расположился куст мальвы — сверху по форме точно выпавший человек, девушка. Большие, узорчатые по краям листья дали эффект кружевного белья, а две «ноги» — оказались двумя высокими стрелками его цветков. При взгляде из разных окон, в силу смещения ракурса, создавалось впечатление, что менялось положение ног. Это было так необычно и так волнительно, что мы долго ещё стояли у окна, рассуждая о причудах очертаний и пытаясь сфотографировать эту мистическую композицию.

Ярким солнечным утром мальва как ни в чём не бывало покачивала своими «стрелками», на которых красовались малиновые цветки. «Как капельки крови», — подумалось мне...

МУР-МЕМУАРЫ МАРФЫ

— Ма-а-ама! Мя-а-а-у! Ну сколько же можно ждать! С четырёх утра прочищаю свои лёгкие! Газетка в туалете чистая, сухая, не волнуйтесь. Я избавила вас от смены газеток, облюбовав себе прекрасное местечко под ванной — вы про

него не знаете. Или знаете? Да что там смотреть — всё равно никто не увидит. Мя-а-а-у! Показываю лапами: идти нужно на кухню! Положим, от котлетки не откажусь, но это потом, а сейчас — чтоб погладили и взяли на ручки! Да! Вот так! Мр-р-р-р... Кошачий Бог!

Где этот Доминирующий Самец? Опять будет хватать своими ручищами и загигать мне уши? И не смей вырываться — бесполезно, только шерсть понапрасну помнёшь. Акробатические этюды мне, конечно, не чужды, но зачем меня подвешивать на турник? Час от часу не легче. А самому на передних лапах слабо передвигаться? Ладно, лежу, где положили — доволен? Опаньки — я лечу!!! Из комнаты в коридор, правда, но главное — лечу! Спасибо за приданное ускорение — хорошо, что не ногами.

Превосходная обивка дивана! Всякий раз убеждаюсь в этом, пробуя её когтями на прочность. И всякий раз приходится улепётывать от возмущённо надвигающихся фигур. Помилуйте, но где мне точить когти? Вместе со мной недоумевают обои в коридоре (ишь, как разинули рты) и кухонная дверь, обклеенная под дерево, что и ввело меня в заблуждение. Зато в большой комнате дверь изумительно деревянная, что я красноречиво засвидетельствовала всеми четырьмя когтистыми лапами.

Диван — ковёр — вершина шкафа! Ух! Во мне пропадает чемпионка по паркуру — вижу это по вашему восхищённому мор... лицам! В качестве медали охотно приму кружочек колбасы, которую только что запрятали в белый урчащий высокий ящик. М-да, мяу-чты, мяу-чты, где ваша сладость, — так, кажется, говорил великий кошачий поэт Мышкин. Ладно, буду выше всего этого. Кроме люстры, конечно.

И сразу по усам! Я не виновата, что она так вкусно пахла! К тому же в вашей тарелке остался второй кусок курицы. Констатирую: неплохо зажаренная дичь. Ну дайте же, дайте мне доесть, в конце концов, всё равно после меня не будете. Это я никогда не брезгую. Что значит, «наглая Марфенция»? Попрошу не коверкать моё имя! Уж какой раз приходится самой заботиться о хлебе насушном, хотя бы он и являлся курицей. А сейчас я умываю руки. То есть лапы.

Стучите, стучите себе по чёрным клавишам, вы мне не помешаете. Я вот тут, на коленях ваших прикорну. Предварительно показав, как одной задней левой могу делать то же самое. И это вы называете мышкой? Ха-ха-ха! Возьмите лучше мою, пусть плюшевую, но всё же больше похожую на настоящую. Ну, как хотите. Сворачиваюсь, мурчу — чтобы перекрыть мурчание вашей техники. Впрочем, милая техника — не то что этот этот воющий монстр, еженедельно бороздящий поля! Я помню, как вы решили меня однажды пропылесосить... Ну да кто прошлое помянет, тому хвост вон. ...Как назвать, спрашиваете? Я бы назвала «Мур-мемуары»...

ГРИБНАЯ ПИРУШКА

Собрать грибы — приятная возможность. А обрабатывать — почти приятная необходимость. И вот ничтоже сумняшеся вываливаешь содержимое двух тазов в одну ванну. Белые грузди похожи на акул. Главное их коварство в том, что шляпки крепко припорошены землёй. Обычно в таких случаях хорошо помогает зубная щётка. Дельфины боровиков, подосиновики-краснопёрки, золотые рыбки лисичек, стаи мальков-опят... Когда весь улов, очищенный и выпотрошенный, рассортирован по разным ёмкостям, наступает время солений, маринований, отвариваний и жарений. Грибной дух стоит в доме такой, что без одобрительных возгласов никто мимо пройти не может. Пока одни грибы

штормит в пенной кастрюле, белые принимают горячие сковородочные ванны, грузди груздевичи спешат улизнуть в трёхлитровые стеклянные банки. Приходится сыпать им соль на раны и подвергать небольшому прессингу. Пропаренные опять поступают из баньки в банку и требуют принять вовнутрь своего большого друга товарища маринада. С радостным бульканьем тот отправляется в весёлую компанию и укатывает всех острыми перцовыми шутками, гвоздичными шпильками, лавровыми баснями и укусными эпиграммами. Незаметно пролетают пять часов грибной пирушки, и все отправляются на покой: укрывшись крышками, дремлют в банках опять; вздыхают, вспоминая передачу «За стеклом», грузди; впали в морозильный анабиоз боровики и подосиновики... И мне пора в свою постельку. Завтра ожидается новая пирушка.

БРАТЯ И СЕСТРЫ

Выхожу на лестничную площадку — лежат, красавицы. Причём этак параллельно лежат. Спускаюсь по лестнице — так же параллельно встают и вертят хвостами. А глазища... Ладно, выношу им на двух газетках немного еды, ставлю по разным углам. Чернявый бросается и одним движением языка уничтожает содержимое в обоих углах. Эх-ма, Рыжик, сегодня ты проиграл!

Они появились в нашем дворе пару недель назад, с тех пор каждую ночь возвещали миру о своём беспокойстве. Мир спросонья бурчал и закрывал форточки. А наутро подкармливал пришлецов.

Иное дело — кошенция из соседнего подъезда: вылезала в окно, поднималась в наш подъезд, ныряла в приоткрытую дверь, без зазрения совести осматривала комнаты и кухонное ведро, подцепив оттуда яичную скорлупу. Заглядывала и в нашу келью. Мы, очарованные этой наглостью, не смели

пошевелиться. Авдотья вставала на задние лапы, изучая содержимое кровати. Тут терпение жильцов лопалось, кто-то бурно изрекал негодующий возглас, и соседка стремительно уносила лапы и хвост.

Братья и сестры наши меньшие...

МРТ

Надели шлем и наушники. Кушетка с белой простыней задвинулась внутрь цилиндра. В головах зашумело. Кто-то буравил стены дрелью с перфоратором. После секундной паузы заработала бормашина. Мирное гудение рефрижератора сменилось визгом бензопил. Вагон метро набрал максимальную скорость. Затарахтел трактор, застучали отбойные молотки, выдал звукодробительную партию автогрейдер. Кушетка рассыпалась мелким бесом, свист в ушах сопровождал пляске глазных яблок. Всё, что вы хотели узнать о магнитно-резонансной томографии.

ХВОСТИК

Возьмите его за «хвостик», надкусите и выпейте бульон, который есть внутри. Затем следует положить его в рот целиком и наслаждаться вкусом. Если размеры рта не позволяют вам сделать это, можете есть в несколько укусов, традиции это не приветствуют, но и не осуждают. Не съедайте «хвостик». (из правил поедания хинкали).

ПАЛЬТЕЦО

Пальтецо — вполне себе философская вещь: оно ходит спустя рукава, любит закладывать за воротник и карман его желаний всегда туго набит.

КАКОВ!

В два часа ночи затарабанили в железную дверь. Мой отправился узнать, кому не спится. Через секунду вернулся, спешно натянул штаны: горит на первом этаже! Вызывай пожарку, говорит! И ведра наливай. От волнения я даже забыла собственный адрес. А мой не теряет самообладания. Действует чётко и быстро, как будто всю жизнь тушил пожары. Тащу ведро за ведром до нашего порога, а он — дальше, вниз по лестнице, наощупь, сквозь крошечные клубы дыма, которые тут же ворвались в нашу квартиру. Вёдер пять или семь переносил. В горле першит, глаза слезятся, запах расплавленной пластмассы... Сосед — молодой парень — готовил себе на плите поздний ужин и заснул. Чудом не задохнулся. Из газовой плиты — огонь и дым, а перегородки у нашего 110-летнего дома деревянные... Дверцу приоткрыли, оттуда как польхнёт... Еле потушили... Тут и пожарка приехала. Предлагали моему медаль за тушение — он отказался. Шучу, конечно. Но ведь каков молодец! Горжусь!

МИСТИКА, ДА И ТОЛЬКО

Попросили проходящего мужчину щёлкнуть нас возле одного дома. А чем он знаменит, спрашивает. Дом Каменева, отвечаем. Первого русского романтика и мистика. Мужчина щёлкал-щёлкал, а вечером оказалось — ни одного сделанного им кадра! Мистика, да и только!

ДИРИЖЁР

Были в БКЗ* на фестивале татарской музыки «Мирас». Александр Сладковский дирижировал так, что «не можно

* Большой концертный зал имени Салиха Сайдашева в Казани.

глаз отвести». Тонкие вибрации кисти, сумасшедшие полёты рук, брейк головы, прыжки чуть ли не в оркестровую яму, — короче, одно удовольствие смотреть. Вышел он в чёрной атласной рубашке. Точно в такой же был и мой спутник. Из-за чего казалось, что это именно он одновременно и на сцене, и в соседнем кресле. Уже дома вручила ему «дирижёрский» карандаш и попросила изобразить что-нибудь эдакое. Результаты превзошли все ожидания. А что? Он и есть дирижёр — главный дирижёр дома и на работе.

ПУШКИНОЛЮБЫ

Специалисты подсчитали, что Пушкин был в Казани 55 часов. А именно с 5 по 8 сентября 1833 года. На литературно-музыкальном вечере в честь этого события поэты, краеведы, филологи, лингвисты и просто пушкинолюбы пережались со скрипкой, фортепиано и вокалом. «Зачем, зачем ты, на черта-а-а...» — пела девушка старинный романс. Я встрепенулась. Но через секунду всё встало на свои места: «Зачем, зачем ты начерта-а-а-ла...» Народ аплодировал. Пушкин жил в стихах, музыке, докладах и переводах.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

ЧИТАЯ ВЕЛИКУЮ ДУШУ ТВОРЦА

(О Диасе Валееве)

В 2008 году мне попал в руки двухтомник «Уверенность в Невидимом», изданный в Казани. Тогда я ещё не знала, что его автор — Диас Назихович Валеев — известный прозаик, драматург, философ, эссеист, человек удивительно интересной и сложной, во многом трагической судьбы. Открыв ту, в кожаном коричневом переплёте с серебряными буквами, прекрасно изданную книгу, я уже не могла от неё оторваться. «Человек порой духовно воссоединяется с будущим задолго до реального соединения», — писала я в своей тетрадке слова Диаса Назиховича и понимала, что прикасаюсь к чему-то громадному, всеобъемлющему, вызывающему дрожь открытий. Надо сказать, что незадолго до случайного (случайного ли?) обнаружения двухтомника я прочитала «Розу Мира» Даниила Андреева. Было очевидно, что литературно-философское течение, по волнам которого я уже неслась, подарило мне алые паруса в лице Диаса Назиховича и его путеводных книг.

Глубина и объём написанного (а вслед за «Уверенностью в Невидимом» я с удовольствием «проглотила» романы «Я» и «Астральная любовь») заставляли меня удивляться всё больше и больше. «Человек может и должен сам, не полагаясь на чудо и авторитет, выбирать между добром и злом... только в этом постоянном выборе, в постоянном поиске выхода из лабиринта и проявляется его человеческая сущность...» «Границы искусства, как и границы государств, требуют тщательной охраны. Но есть ли часовые на его границах?» «Вся история философии — это путешествие по стране гениальных метафор, обнимающих собой мир». Нравствен-

---

ность, искусство, философия — во всём автор являл себя ярко и доходчиво. Когда же я осознала, что Валеев совершил переворот в моём мировоззрении теорией мегачеловека и Божественного Абсолюта, мне захотелось написать ему и поблагодарить от всей души, ибо очень мало на свете книг, созданных именно для нас, способных раскрыть и объяснить нам мир, объяснить в некотором роде себе самих себя.

Так началось наше общение с Диасом Назиховичем. Он ответил на письмо, поблагодарил за неравнодушие и поддержал мою надежду, что когда-нибудь я смогу приехать в Казань (тогда я жила в Тольятти) и пообщаться с ним лично. Причина приехать и даже переехать в Казань вскоре нашлась. Кроме того, я давно мечтала иметь котёнка, а кошка Валеевых совсем недавно окотилась, и Диас Назихович говорил, что был бы рад подарить мне котёнка.

2009 год. В памяти отпечатались скромная обстановка квартиры Валеевых на улице Груздева, радушие Дины Карумовны, супруги Диаса Назиховича, и необыкновенно внимательный, с затаённой грустинкой взгляд человека, пришедшего с обложки книги, человека-легенды — так виделось и ощущалось мной.

Диас Назихович рассказывал о трудной судьбе своих произведений, о сложных взаимоотношениях в среде литераторов, о политической и властной составляющей жизни, которая часто становится лакмусовой бумажкой человеческих отношений... Не о том ли его мысли из «Уверенности в Невидимом»: «Часто, например, говорят, что стало уже банальностью: «Власть портит человека». Нет, власть не портит, а лишь выявляет в человеке те качества, которые в других условиях были незаметными, существовали не как действительность, а как возможность». Многие было поведано, многое почерпнула из его книг...

«Освобождение от Бога в его старых формах, древних языческих, присущих микроэпохе, или формах, найденных ше-

стью основными мировыми религиями в макроэпоху, есть обретение Бога в формах, адекватных текущей современности, адекватных новой колоссальной эпохе мегамира». Я вчитываюсь снова в эти слова, рассматриваю зарисованную мной из книги схему религиозных учений каждого времени.

«Все традиционные религии несут в себе мотив страха. Все боги взывают к человеку: «Уверуй в меня!» Идея таких взаимоотношений между человеком и Богом — уверуй, покорись, признай меня как Высшее начало — резко звучит и в индуизме, и в иудаизме, и в христианстве, и в исламе... И нигде Бог не говорит человеку: «Поднимись! Стань лучше! Стань выше!» Нет, всюду непременно один и тот же вопрос: «Уверовал ли ты в меня?» Религия Сверхбога задаёт человеку другой вопрос: «Поднялся ли ты, человек? Возвысился ли над собой, вчерашним? Стал ли выше, чем был сегодня утром?»

Несколько раз мы посещали Диаса Назиховича вместе с поэтом Эдуардом Учаровым, говорили о религии и философии, науке и поэзии. Волнительно просматривался светлый горизонт нового времени, куда показывал Диас Назихович: «Впереди состояние сознания, когда наука станет полностью «обожена», а понятие Бога, Небога, или Абсолюта, полностью «онаучено». Панрелигия будущего — универсальная философия, контуры которой я пунктиром намечаю, очевидно, воспользуется всем полезным и необходимым, что накопили предшествующие мировые религии, оккультизм, астрология, науки, мистический опыт, искусство».

Да, и искусство тоже. Искусство как часть творчества, которое по своей природе шире и глубже: «Стань творцом! И знай: творчество разнообразно. Это не только писание книг, картин, но делание любой вещи. И в творчестве вещей, идей и образов ты всегда мегачеловек. Ты увеличиваешь богатства мира, материальные и духовные, ты — сродни творящей силе природы. И здесь ещё одно отличие от традиционных религий: основной путь к Богу в них — молитва, слово. Молитва остаётся и в религии

Божественного Абсолюта. Но, возможно, главный путь к Сверхбогу — делание, поступок, творчество, производство».

И вставал вопрос: как современнику, соотечественнику воспримут откровение человека, покусившегося на святая святых — догмы традиционной религии? В романе «Я» автор выдаёт потрясающую по своей пронзительности мысль: «Нет пророка в своём отечестве, и это истина. Нет его и в своём времени. Можно представить своему ближнему право на прочтение одного слова, строчки. В крайнем случае, абзаца или страницы. Но дать право на новое прочтение всей книги бытия?.. В высшем смысле всякое настоящее творчество новых ценностей есть всегда преступление. За него отступников наказывают сурово и беспощадно».

Невозможность до конца понять, осмыслить гигантскую фигуру философа-эссеиста, политика сдерживания публикации его произведений, интриги, зависть, преследования — всё было (так и хочется крикнуть: доколе?) в судьбе Диаса Назиховича. Как трагически звучит его голос в романе «Чужой, или В очереди на Голгофу»: «...Я пытался доказать — кому, неизвестно, — что справедливость в мире всё-таки есть, что и совершенно одинокий человек в ратном поле тоже воин. Всё это время я бился, наверное, не только за своё писательское достоинство, не давая его растоптать, смешать с грязью на глазах у всех, но и за достоинство художника вообще. Я пытался доказать — кому? зачем? — что над художником нет на земле другой власти, кроме власти его собственной души, Бога, истины. И что же в результате? После всего пути, который я прошёл, мне в миг моей победы открыто и нагло плюют в лицо и предлагают поднять руки вверх. И моя победа тем самым должна превратиться в моё поражение?! И в поражение тех, столь же одиноких, кто встал на мою защиту? Кажется, я не дал никому ни малейшего повода думать о себе низко, но на сатанинском уровне бытия иные, не низкие мысли, вероятно, просто не существуют». И — как выдох — далее: «...легче поднять

плугом целину, чем вспахать окаменевшую твердь стилой человеческой души».

Безусловно, «счастье, добро, истина — это прежде всего победа», но «доброта, мягкость и честность не стоят ни черта, если за ними не стоит сила» — это признание лирического героя из драмы «Сквозь поражение».

Верится, что не за горами то время, когда учение и наследие Диаса Валеева будут с благодарностью приняты и осмыслены потомками. Да услышится голос человека, который осмелился озвучить приближение новой, объединяющей религии человечества, религии в самом широком смысле этого слова. «Некоторые идеи, как некая инфекция, передаются из века в век. Возможно, над землёй распростёрта некая аура сознания, принадлежащая жившим некогда на ней пророкам, колдунам, мыслителям, художникам, философам, и высказанные идеи живут в ней вечно и носятся по просторам Вселенной как некие вещи бессмертные птицы?»

Как коротка человеческая жизнь! Время Диаса Валеева — это «Время Солнца».

Время дадено для Солнца казначеем
От начальной до последней жизни дольки.
От восхода до заката ровно столько,
Сколько нужно, чтоб исполнить назначенье.

Но со мной остаются светлые, жизнеутверждающие книги Диаса Валеева. Его беседы и внимательный взгляд уставшего, но не сломленного человека. Эта маленькая квартирка на 3 этаже на улице Груздева в Казани, где память о своём муже бережно хранит Дина Каримовна Валеева, пытаюсь пробить глухую стену непонимания и равнодушия высоких инстанций, всё ещё надеюсь, что издательство выполнит данное несколько лет назад обещание издать книги Диаса Валеева... И — чёрно-белый пушистый подарок Диаса Назиховича по имени Марфа.

«СТИХОДВОРЕНИЯ» ЭДУАРДА УЧАРОВА

Собранные под одной обложкой увесистого тома стихи, лирическая проза и эссе о казанских поэтах, — триединство жанров, гармонично сплетающихся в удачно найденном названии — «Стихотворения», — представляют собой поистине титанический труд автора за поэтическое десятилетие между тридцатью и сорока годами, отчёт самому себе и взыскательному читателю. Книги такого рода встречаются нечасто — потому что это избранное, кровное, нервное, пульсирующее, выверенное временем, публикациями в периодике, откликами соратников и соплеменников, и даже тех скептиков-традиционалистов, кто, будучи далёк по поэтическому мироощущению, признал в конце концов, что рождение этой книги — событие в литературном мире, и не только Казани.

Но именно Казань, казанский дворик, где вырос поэт, дома, улочки и их обитатели, друзья, любимая и поэты, вся эта бьющая через край, а порой бьющая больно жизнь, само казанское время — стали центром его Вселенной.

Читателю предстоит непростой полёт в поэтическом небе Эдуарда Учарова. Да, порой полёт проходит на запредельной высоте, сложно охватить взором все манёвры, но стройность и гармонический рисунок ясно виден, даже если читатель оказывается близорук.

«Казанский цикл», открывающий книгу, как и вся учаровская поэзия, — безусловно, одна большая метафора, переплавка увиденного и узнанного в новое поэтическое вещество, наделённое сложной структурой параллелей, аллюзий, порой требующее подготовки, исторической и литературной образованности читателя.

Казанская топонимика Эдуарда Учарова запросто могла бы составить целый поэтический атлас Казани, если таковой когда-нибудь будет создан. Судите сами: «Лобачевского, 12», «Лядской сад», «Ленинский садик», «На казанском базаре»,

«Озеро Кабан», «Парк Чёрное озеро», «Парк Горького», «Миру — мир», «Казанская табачка», «Улица Волкова», «Варваринская церковь», «5-я горбольница», «Крутушка» — и это только то, что на поверхности названий стихотворений. А сколько открытий «внутри»! «Глухой, искорёженный донельзя ствол / не выстрелит гроздью по вымокшим спинам, / плывущим к Державину»; «И «Алтыном» впивается в небо / отблеск торговых рядов»; «Нагорный проулок, как проповедь, свят»; «Он на Волкова, дом 46 нашептал Велимиру словечек».

Стихотворение «Подъезд» всякий раз держит слушателя в напряжении. Автор причисляет себя к последнему поколению, которое воспитывал двор — роль воспитателя сейчас взял на себя интернет.

И я с лекций летел на безжалостный окрик свечи
в полутёмном пространстве Вселенной друзей-одногодок:
там обоймой кассет Доктор Албан нас насмерть лечил,
и калечил язык беглый говор обкуренных сходок.

Стихотворение «Лунатик», по моему убеждению, является поэтическим кредо, исповедью и молитвой поэта, для которого писать стихи так же естественно и автоматически, как жить, дышать, падать с высоты: «ведь падать — это как писать стихи: / здесь притворяться и уметь — не надо».

Гражданская лирика, безусловно, сильнейшая в поэзии Эдуарда. А на стихотворение «Памяти Мандельштама» откликнулся даже арабский композитор, положивший стихи на национальную музыку. Поскольку в любой стране в любые времена и для всякого общества верно:

ибо это во лжи искривляет огонь времена
потому что ожив наша память к бесчинствам смирна
и с обугленных уст у продлённого в вечность одра
алчный Молоха хруст омывает прямая вода

Говоря о стихах на события, поэт подчёркивает, что мы живём не в вакууме, и рядом с нами постоянно что-то происходит. Кто-то более отстранён и поглощён своим внутренним миром, кто-то реагирует постоянно и мгновенно: «утром в газете — вечером в куплете». «Обе крайности мне не близки», — признаётся Эдуард. И уж если он отзывается на животрепещущие события страны (а порой это случается спустя годы, так, например, гибель теплохода «Булгария» произошла в 2011-м, поэт «созрел» и сказал своё слово три года спустя), то поэзия эта всегда выстраданная, всегда переосмысленная, далёкая от агиток-однодневок.

К берегу какому / выплыл башмачок?
Волга впала в кому — / больше не течёт...

(«Булгария»)

«Любовь — основная движущая сила любого творчества» — утверждает поэт. Уж если обычный человек жить без любви не может, то поэт и подавно. Сила объятий любви такова, что способна победить болезнь любимого человека.

...задышать глубоко в понедельник,
отыскав голубиную клеть,
и застуженный крестик нательный
на груди у меня отогреть.

(«Птичий контур, чертёж без деталей...»)

Кто лучше может понять поэта, чем его собрат, который точно так же меряет боль души честным творчеством. Речь о стихотворении, посвящённом казанскому поэту-шестидесятнику Ивану Данилову, с чьим архивом мы долго работали, издав в конце концов уникальную книгу, которую Данилов не дождался при жизни.

Нарубишь боль души на честные словечки...
 Берёзовые дни сторгят в июльской печке...
 У сердца на краю тяни тоски резину...
 И поллитровку сна неси из магазина...

Эдуард не из лёгких, праздничных поэтов. Оттого его ёлка не сияет новогодними огнями и блёстками, веселье — «тяжёлое», а рождественское волшебство может оказаться недоступным.

Выжимаешь ёлочный сок на ладонь —
 а ладонь в крови,
 и течёт горячая жизнь с неё —
 и течёт внутри.

(«Ёлочный сок»)

Хрупкость разбивающихся звёзд в стихах Эдуарда — это хрупкость и уязвимость всего существа поэта. Ведь порой стихи рождаются на грани запредельных переживаний, изматывающих душу, слепящих глаза.

Так ли всё это, Господи, смерть и страх,
 порох и мясо, вечности тлен да прах?
 Звёзды колеблются — ими полны глаза,
 битая чаша, острые голоса.

(«Звёзды колеблются»)

Порой кажется, что строфы несут гул, как от удара в колокол, или благостный звон, плывущий над нами. Но мы-то слышали первоначальный звук, нет, крик! колокола — голос поэзии Эдуарда Учарова, неуспокоенный, глубоко трагичный, но и Христос прошёл через муки, чтобы стать ближе человечеству, ибо постигнуть себя можно только через страдания.

193 стихотворения, 44 лирические зарисовки в прозе на грани поэзии, 18 эссе о казанских поэтах (среди которых

Юрий Макаров, Геннадий Капранов, Леонид Топчий, Сергей Малышев, Равиль Бухараев, Николай Беляев, Иван Данилов, Тимур Алдошин, Филипп Пираев, Алёна Каримова, Алексей Остудин и другие), — итого 355 творений, точнее, «стихотворений» на 316 страницах тиражом в 400 экземпляров — такова статистика издания, которое, конечно же, станет библиографической редкостью.

Презентация книги вскоре после её выхода прошла в казанском литературном кафе «Калитка» Центральной библиотеки. Из впечатлений того дня:

Стихи скользили с чёрной атласной рубашки — прямо в зал, который ловил их и складывал в сердечные сумки. Чудесные зрители, заполнившие «Калитку» в длину, ширину и высоту! Сколько их было в этот вечер — трудно сосчитать, но соседний зал лишился всех своих стульев, а многие сидели даже на ступеньках до самого верха.

Стихи, автора которых так феерично представил радиоведущий и верный друг «Калитки» Антон Боровиков.

Стихи, которые сложно положить на музыку, но которые легко нашли собеседника — негромкую гитару Айрата Галеева. И зазвучали даже для самого поэта особым образом.

Стихи, которые скрываются в прозе, поделенной сегодня на троих. И они — Алексей Егоров, Юлия Дудченко и снова Антон Боровиков — честно прожили эти истории на сцене. Вплоть до поедания огурцов, которые рассыпались у бабушки в одном из рассказов. Далее банка пошла по кругу в «Калитке» — не доказательство ли это слияния авторов, актёров и зрителей в едином акте сотворчества?

А книга будет жить. Не только потому, что наполнена живым творчеством, не только потому, что прекрасно оформлена — на лицевой стороне обложки — картина молодого казанского художника Руслана Сабирова «Полдень на улице Лобачевского», на задней части — картина Сергея

Лукашова «Дом на Лобачевского, 12» (дом, в котором живёт поэт!), не только потому, что книгу эту унесли домой десятки страждущих. Но и потому, что в этот вечер в «Калитке» на счастье разбилось блюдо! Самое удивительное, что автор в это время читал: «А я всё ещё жив и счастлив».

НАИЛЬ ИШМУХАМЕТОВ. «В ПОИСКАХ НЕБА»

Живёт себе человек и живёт. Ремонтирует электропроводку, вкручивает лампочки и вдруг — бац! Нет, не током ударило, а что-то другое снизошло, свыше. И вот уже 10 лет как не отпускает. И ходит человек, вроде бы делает обычные дела — а внутри не дают покоя контакты, плюс и минус, которые нужно соединить тем самым важным словом, той жгущей фразой, чтобы зажглась лампочка поэзии. И лампочка эта вовсе не на потолке, ибо Наиль Ишмухаметов уже давно перерос тот давний потолок. Лампочка его — в небе.

Сын своей родины, Руси, поэт не стесняется этого чувства, которое есть гордость и сопричастность: «Но с гордостью чахлую пустошь / Зовём с придыханием — Русью!»; «Родина здесь — за околицей пыльной, / За близоруким окном»; «Родина — это не там, / Где и без нас хорошо».

Любовь неотделима от тревоги. Выстраданное, острое стихотворение, которое кто-то назовёт программным, «Где-то там, за черешневой радужкой глаз» завершается строчками: «Созревает страна, ни к чему не годна... / С ней зарёванный бог, с ней хохочущий бес». Как выжить в этом мире, где правит ночь и сатана? Поэт ищет солнце — для всех, ведь так важно, чтобы дорога была светлая, чистая, с многосторонним движением:

В космосе многоязычия русского
 новое солнце никак не взойдёт,
 в поисках света тоннелями узкими
 бродят народы спиною вперёд.

Но прежде всего он ищет своё небо, которое нужно уберечь, удержать из последних сил, подобно атлантам:

Слезой не излечишь смертельный диагноз — жизнь,
 дурашка, слезай-ка с печи, раззудись и держи
 свой неба кусочек, татарский ты мой атлант,
 да выдержат плечи, да не оскудеет талант...

В его поэзии удивительным образом переплетается русское и татарское, славянская и азиатская Русь: «Древние бабки в худых телогрейках / Стонут не в лад о Руси»; «Вызревает диктат азиатских кровей»; «Я люблю этот хитрый татарский прищур»; «Между Волгой и Уралом, / Между дудкой и кураем, / Меж аулом и селом»; «русский чёлн, татарский парус — / Что главнее в этой паре?»; «уключиной скрипя, Харон-абый / везёт пахучие сосновые гробы».

Поэт признаётся, что в пожизненном плену у глаз Казани, грустит с любимой: «Ну вот и осень, джаным, вот и наша осень», и в то же время русскими песнями вскормлены его строки: «Степь да степь кругом, люди путь торяют». Когда читаешь «Сын земной, отец небесный, / где-то между — дух святой, / трёх сердец полёт над бездной», ощущаешь христианский дух, а точнее будет сказать, наднациональность его стихов, всеобщность и всемирность, поднимающие их на ту высоту, которую под силу взять только настоящему альпинисту от поэзии. «Награда покорителю — чахлый эдельвейс, / чёрный тюльпан да пожизненный скрежет зубовный».

Книга, вместившая в лермонтовски-мистических цифрах 141 стихотворение, богата не только аллюзиями на Лермонтова. Тут и Пушкин, и Мандельштам с Бунным, и Некрасов

с Блоком, и Чехов с Тютчевым. Наиль смело подхватывает и развивает в ином, новом направлении знаменитые строки и мотивы своих предшественников: «Мы живём, на запястьях не чуя оков, / под собою земли, / над собою небес, / присягаем на верность стране дураков, целину поднимаем до поля чудес»; «В багрец и золото — предсмертные одежды — / Леса оденутся, усталость маскируя»; «Ну как не помечтать — весна в немойтой Russia, / Всё громче подо льдом стучат сердца озёр»; «Как много чепчиков подброшено / В пасть ненасытной синевы»; «С каждым днём смертельней темы, / Окаянней дни».

Поэзия для поэта не праздное действие, а нечто сакральное, куда не дозволяется вгрызаться «клинками улыбок» ослабленных лиц, и, может быть, одна только Болдинская осень имеет право спросить с поэта. Пишем, отдаём тепло и сгораем — не поэт ли со всем своим миром грёз и миром страданий подобен сгорающей на субботах осенней листве? «В разгаре субботничек, множатся / Барханы с божественным золотом. / Корёжится жёлтая кожаца, / Спекаясь в бесплодные зольники». Да впрочем, поэт и не ждёт награды за свои труды:

Как много шахт небесных пройдено...
 Добыча — пригоршня руды,
 Награда — дырочка от ордена
 «За бесполезные труды»...

Он, «посол суверенного рая, / пророк в суверенном аду», знает, что «стихов наведённые гати / Не выдюжат ноши иной, / Чем ржавая дудочка божья». Нынешний мир с его вседозволенностью уже пожинаяет цветочки: «Борзыми стихами эпоха / Карман переполнила свой». Но и горькие ягодки созревают в наших душах.

Трагедия одиночества — высшая и неотступная доля поэта, у которого «ничего своего, лишь удавка сыновнего долга... / И плывут на заклание Молоху люди-креветки, /

И несёт корабли суррогатная матушка Волга». Если люди в своей массе нивелируются до креветок, то природа, наоборот, приобретает черты человека, наделяется душой: «на земле остывало три трупа — / два берёзовых и один тополиный». Потрясающие по силе воздействия строки, где поэт описывает увиденные на месте парка «отпиленные руки, раздавленные пальцы, разбросанные тюбетейки-гнезда». «Кто мы под этим бескорыстным солнцем?» — задаёт он вопрос, но ответом ему только внезапное жжение за грудиной.

Судьба человечья проступает сквозь опозитизированную котельную трубу: «Коротка, словно память, июльская ночь — / вот и ты позабыта, и каждым кирпичиком чувствуешь — / небо коптила зазря, / на притихший проспект из трахеи чахоточной хлынула / горлом заря».

Всё в природе рождено для любви. «Она очень любила солнце. / Она не мыслила себе жизни без этой любви». И каждый год повторялись амуры и бабочки, нарождались новые солнца. «А в этом году на ней нет ни одного яблока».

Любовная лодка поэта, несомая и поддерживаемая бытом, и отнюдь им не разбиваемая, проходит через различные течения и круговороты, то скорлупкой-корабликом плывя сквозь весенний ледяной поток, то залегая на дно, а то превращаясь в бумажного журавлика.

Стиснуть в объятиях, как раньше...

...До хруста бы...

Только ведь это же — ложе прокрустово...

Только ведь это же — небо межрамное,

Где паутиною крылья изранены...

Оттого-то и «сердце встревожено, ждёт невозможного», что свет зарешёчен нитями, а небо стреножено невидимой сетью. А поиски неба для поэта, как мы уже выяснили, это самое главное. Ибо где начинается готовое небо (читай, вершина, истина), там кончается поэт. Он должен сам

расчистить кусочек своего неба, сам зажечь своё солнце, и в этом ежедневном и ежечасном стремлении, в этой борьбе желаний, в этом времени обретений и потерь — вся его жизнь и судьба — судьба воспевать, «как ты безмерно одинок». Оттого и козодой сучит крыльями-плавниками под водой, ищет другое небо, оттого и водный житель, сияющий радостью сом пролетает в небе. Дрожат в нём «чёрный косичковый ласточкин хвост», а хрупкая птичка-ангел с именем, созвучным ненастью, так уязвима для многоточия «окровавленных дробинок», что, кажется, и мёрзлая веточка рябины, пишушая на хрустком настее, вот-вот сломается.

Любить и жалеть. Не о чём-то, а ту, что рядом. Которая и «бинт и йод», и ангел-хранитель, и «дуу...». Которая одна и будет рядом в тот миг, когда «закончится воздух и вытечет время»:

Отныне не нужный смазливый подругам,
 Не слышишь, как плачет она —
 Твоя простофиля-дурнушка-супруга,
 Твоя золотая жена.

Слышит, слышит поэт: вот «саксофон гладиолуса, глядя на лунную ленту, / Сочиняет печальный ноктюрн». Вот он пытается понять: «Колокольчик в чистом поле / Надрывается по ком?» Вот поэт предчувствует, как «на разорванном баяне золотого миокарда / горький реквием исполнит на прощание душа». Вот он горестно восклицает: «Мне бы не слышать убогости музык, / мне бы не чувствовать боли фантомной в отнятом ребре».

А от боли никуда не деться. Она всюду. И может быть, именно она — та движущая сила, которая заставляет жить. «О, мама, я вырос из этой боли, / Роди мне другую — на вырост»; «Провален с треском Боль-минор концерт»; «Пока печаль моя светла, / откуда боль переносима»; «Кетгуттом этим рвану души залагает / боли всея ампутатор, /

всёя дровосек»; «Глина — память, / Глина — холод / День и ночь болит».

Через боль — к вере, к высокому, не дающему покоя — и вновь поиски своей вершины, своего неба, своего Господа.

Господи, если ты — Истина,
Выслушай и рассуди —
Путь мой булыгами выстелен,
Вырванными из груди...

. . .

Если ты — женщина, Господи,
Правда твоя в дельте ног
Или в кормящей груди.
Божьего сына роди,
Чтобы он сызнова смог
Крест обрести, Гос-по-ду!

Вера и верность, правда и ложь — мучительные раздумья живого человека: «Надо бы... / Надо бы... / Верным быть... / Верно ведь?»; «и не смогу легко, как раньше, обмануть / её, чью жизнь на «до» и «после» я рассёк, / она же верит, что я здесь, готовлюсь в путь»; «кто же вышибет поутру табуретку — дьяволы или боги, / которых вполглаза боялся / или в которых в полсердца верил ты?»; «чем дальше в Ложь, тем многозначней номинал / константы, множимой на саморазрушение».

Время одарило не только «единственным из всех имён», но и своими неумолимыми жерновами:

это когда над тобой, под тобой заскрипят жернова,
и заложет подошвы тоска по непройденным лужам,
открываются истины главной простые слова:
ты
никому,
кроме глины всеядной,
не нужен

Не уберечься от хищного оскала жерновов. Что мель-
кнёт в памяти напоследок?

Неба свинцовый камбий. / Срез годовых колеи.
Саженец — белый камень. / Мокрый от пота отец.

Но и в овечьные усталостью дни предухода одна лишь
просьба сорвётся с уст:

Даруй в последние деньки
Кусочек неба.
Не надо зрелищ никаких,
Не надо хлеба.

ИСТИННЫЕ ЖИГУЛИ ИГОРЯ МУХАНОВА

Передо мной — волшебная книга Игоря Муханова «Сказы и байки Жигулей». Слог её до того по-старинному ладен и искусен, что некоторые посчитали нашего современника почившим сто лет назад — а автор только посмеивается, мол, долго жить буду. Игоря Леонидовича Муханова связывают с Самарой два десятка лет, да и родился он (в 1954 году) всего в 180 километрах от неё, до революции эти места Оренбуржья считались Самарским уездом. Однажды писатель отправился в Путь, да с тех пор так и путешествует, собирая в свой рюкзачок народную мудрость. Обошёл сёла Самарской Луки, буддийские дацаны Бурятии, околдовался Алтаем, который его до сих пор не отпускает. И каждое путешествие дарит автору, а вместе с ним и миру, тонкие мудрые вещи духовного порядка: стихи, притчи, сказки, сказы, предания, легенды.

Конечно, сказители издавна пытались воспеть красоту жигулёвских мест и разгадать загадки Самарской Луки. Например, Александр Александрович Навроцкий известен нам

как автор слов популярной русской песни «Есть на Волге утёс» (1864). Ещё один жигулёвский летописец 19 века — Дмитрий Николаевич Садовников, его «Сказки и предания Самарского края» были опубликованы в «Записках Императорского Русского географического общества» (1884), а стихотворение «Из-за острова на стрежень» стало любимой народной песней. Как не вспомнить Аполлона Аполлоновича Коринфского с его «Бывальщинами и картинами Поволжья» (1899), Николая Васильевича Степного, собиравшего фольклор в «Жигулёвских кругосветках», Степана Егоровича Кузменко, составителя книг «Легенды и были Жигулей» (1969) и «Жемчужины Жигулей» (1982).

Скажите, что все легенды уже записаны? А вот и нет. Ведь Игорь Муханов не только бережно собирает осколки старины, но и любовно, как скульптор-реставратор, восстанавливает утраченное и добавляет новые узоры. У кувшина треснуло горлышко? Пропала складка на платье каменной музыки? Наме вам — получите новое певучее горлышко и лучше прежнего расписанный кувшин, любуйтесь костюмом, не залатанным, а искусно сшитым из тех же материй с настоящими бриллиантовыми пуговками. «Настоящее» — вот ключевое слово по отношению к вымыслам и фантазиям Игоря Муханова, животворящим новые мифы, образы и символы. Да и как им не верить, если «записано со слов моего сродника, человека весьма благонадёжного, служившего одно время в тайной самарской полиции».

Смакуя эти неторопливые правдивые сказки, ощутила ту самую дрожь от встречи с давно утраченным временем и мудрым языком народа, какую испытала, читая в юности книгу Михаила Суетнова «Мужики». Жители мухановской деревни — те же мужики с настоящими именами и «должностями»: подгорский староста Михал Фадеич Богданов, пастух Стёпка Сухобрус, хитрый мужик Софрон, пьяница и дебошир Ванька Багор, златорукий плотник Серафим, вдова Марфа Чеснокова, мечтатель Ванюша, хохотушка Марьянка,

слабоумный крестьянин Тим Пеньков, юродивый сказитель Сашка, знахарь Лука, фельдшер Казарин и многие другие. И быт-то мужицкий сказитель, кажется, знает досконально — оттого так естественны в его устах подызбица, плётка-шлепуга или канифасовые портки.

А потому и приключениям этих людей веришь безоговорочно. С облака сходят люди? С неба падают сундуки? Топоры сами по себе летают? Да без сомнения, всё именно так и было! Тем более и местность знакомая: вся Самарская Лука с её горами, сёлами, оврагами и озёрами. Кажется, нет такого места, которое бы не упомянул автор: Подгоры, Выползово, Рождествено, Шигоны, Пестравка, Усолье, Моркваши, Богатое, Винновка, Большая Царевщина, Каменное озеро, Стрельная гора, гора Манчиха, Девья гора, Молодецкий курган, Верблюд-гора, Мордовая поляна, Ширяевский враг...

Умеет наш рассказчик околдовать слушателя, пустить по его спине холодок предчувствия от страшного, неминуемого: «Глаза вроде бы человечьи, вроде бы и синие даже глаза, однако же в них — какое-то страшное бездонье!» «А это, — говорит, — котелок-чугунок. В нём я Настю сварю после свадьбы на счастье!» Но сметлив и отважен герой, уж он-то непременно догадается, как обвести вокруг пальца нечистую силу, чертей и тримороков, как вывести их на спор или победить в честном бою!

А что до превращений, то тут их видимо-невидимо — забава и взрослому, и дитяте. Чудо чудное сменяется дивом дивным: упавшая в траву жемчужина становится прекрасной девицей, пара калаш на лотке фокусника оборачивается братьями, а пуговица — барышней, камень, положенный в дупло Ивановой берёзки, оказывается свежеспечённым караваем и спасает жителей от голода, из коровьей шкуры выходит русовласая юница, мачеха превращается в чёрную кошку, одноглазый Иван — в косматого медведя. А исчезнувший остров в излучине Волги вполне может оказаться

просто «защитым» на водном сукне владельцем Водяным, обучившимся этому ремеслу у портного.

Колоритны герои и городских, самарских то бишь баек: дворник Емельян Кралин, возмечтавший стать царским министром, слепой Ерощка, «увидевший» на расстоянии пожар, связист телеграфной станции Иван Захарович Юрьев, расшифровавший ответную телеграмму сына старушке при помощи собственного сердца, монах-иконописец из Никольского монастыря, в прямом смысле берущий сюжеты своих икон с потолка, или служащий телеграфной станции Аристарх Сапогов, ставший тучепрогонителем.

Вся Расея-матушка в этих сказках: крестьяне, горничные, бухгалтера, связисты-телеграфисты, дворники, баре, мещане, купцы, монахи, рабочие, чиновники, судьи, портные, художники, великаны, отшельники и т.п. Если бы каким-нибудь случайным образом исчезли все учебники истории России, можно было бы заменить их одной этой книгой — так считаю с полной серьёзностью.

Сказами и байками Игоря Муханова зачитываешься, попадаешь в плен сюжета и языка. Вот Александр Сергееч Пушкин, проезжая через Жигули, просит себя связать по рукам и ногам, признаваясь, что иначе нельзя, потому как «о красоте сих мест весьма будучи наслышан, запросто могут тут остаться».

Хотя автор называет себя «байщиком-обманщиком», осмелюсь утверждать, что Жигули Игоря Муханова — истинные. А ежели мелькнёт в истории отсутствующий на карте Ладоград — так о небесных городах многие писали, тот же Даниил Андреев в «Розе мира», например. Серьёзный, между прочим, писатель-философ, духопроводец. Игорь Муханов из того же философского созвездия. «Когда я придумал небесному городу это имя, — делится писатель, — некоторые меня упрекали в излишнем прозаизме. Но поэтика русского фольклора проста: лад и град в ней — высокие понятия». В сказочном Ладограде воплощена мечта писателя

об идеальном городе: «Улицы этого города от площади Солнца лучами расходятся, непривычными для человека именами зовутся. Есть улица Духовной Пищи, Большого Ума, Семи Ремёсел. Есть и другие улицы, названия которых как песни звучат. По какой улице пойдёшь, такое желание и сбудется».

Небесные города, подземные страны... Раз в год открывает свои двери подземная страна под Жигулёвскими горами. А войти туда можно через погреб в одной избе: «в конце норы, длинной, как труба самарского пивзавода, — вход в другой мир, с небесами лёгкими и радужными, как мыльный пузырь».

Вкусны байки, пьются родниковой водой. «Да и как было его не полюбить: возраст, как говорится, подснежниковый, сила семидюжая, лицо иконописное!» «А он глянул на неё прозрачной рощей осенней». «Вот одна неделя на бугор взобралась, с него спрыгнула, другая». Не будь Игорь Муханов замечательным, тонко чувствующим поэтом, вряд ли его байки обладали бы такой поэтичностью. А впрочем, может, наоборот? Может быть, как раз фольклор подпитывает поэтическую наблюдательность автора? Как бы там ни было, «рассыпался новый день вопросами, лучи, как руки, раскидал по траве».

Одно удовольствие читать самому — «хлебовитым телом забелел», «засердцезвонил», «таланилась перед ним», «носом в ответ заорганил», «рассметанила», «запомидорилось» — а какая здесь благодать для словесника: легко, играючи объяснить, например, этимологию топонимов: жители уверовали в судьбу жить под горой, «потому своё село Подгорами и назвали. А село Выползово позднее уже от Подгор отпочковалось. Оно как бы выползло из него».

Корневые, вечные ценности, заложенные в народном фольклоре — добро, правду, свободу, истинное богатство — естественным образом впитали и жигулёвские сказы Игоря Муханова. «Испокон веков на Руси юродивых не трогали, последним куском хлеба с ними делились». «И явили ему

купцы отпор достойный не потому, что их трижды семеро было, а потому, что на их стороне правда была!» В трудную минуту, когда не от кого ждать спасения, на помощь приходит защитник праведных дел на Руси витязь Борислав. Легко расстаётся с мебелью чиновник, не берущий взятку, потому что «каждая штука мебели, ушедшая по доброй воле хозяина, прибавляет к его жизни год, а ушедшая против воли — отнимает». Деньги — причина зависти, убийства, каторги и нищеты, утверждает автор. Счастье — не в накопительстве, а в свободе от привязанности к вещам.

Мифотворчество цветёт от солнечных правремени царя Гороха до наших дней, покоровших небо аэропланами. Становятся легендами Крымская война и Первая русская революция, в руках у героев сказов оказываются «Капитал» Маркса и газета «Самарские ведомости». Но автору по душе больше «революционер луны, Шальданы и весёлых хороводов девичьих». Ведь приходящая в цветущем мае Шальдана — Душа села Подгоры, душа русского человека, мятежная, глубокая и нежная. «Раскаянье наши предки с морем нередко сравнивали, а в море ой какие глубины бывают!» «Не так легко, известное дело, угомонить русского расхоронившего человека!» Восхищаешься широкой русской душой и силой: человек способен простить обидчика и не ударить в ответ.

Есть и такое, что не на шутку душу растрогает, до слёз доведёт. Потрясающий рассказ «Своеручное письмо» короток, как и жизнь Пылаева Николая, приславшего любимой обещанное письмо — колесом от телеги, упавшей в смертный обрыв. Это слёзы просветлённого читателя, рождающие, по мнению писателя, родниковые мысли. Именно для просветления люди уходили в горы и становились отшельниками.

Ах, эти счастливые люди-отшельники, живущие вдали от суеты, медитирующие на Верблюд-горе, весёлые мас-

леничные отшельники, оборачивающиеся синими заборами, чудаковатые отшельники, весь день спасающиеся от жары на дне реки. Они знают «русский, татарский, мордовский и немного ангельский язык». Они радуются, что луна на небе ничья — «ни монгольская, ни русская, ни французская». Они всё больше убеждаются, в том, что «наш мир — это общежитие. И даже наше тело — предмет казённый, выданный на время нашей душе». Они уверены: весь мир — Единая Книга. А печатные книги — всего лишь несколько её страниц.

Байки об отшельниках напомним, что «жить не по уставу, а в Духе — значит, жить на свободе, в храме, стены которого — вся земля, а купол — небо». Отшельники — братья по Духу, не случайно автор приводит отрывок из романа Мельникова-Печерского «В лесах» о нижегородских отшельниках Кирилловых гор: «Кирилловы горы расступаются... Выходят старцы лепообразные, в пояс судоходям поклоняются, просят свезти их поклон, заочное целование братьям Жигулёвских гор».

Игорь Муханов признаётся: «Ибо пришлось вспоминать в глубину, домысливать не прямо, а по диагонали. Душа оживала, когда открывалась ей внутренняя жизнь отшельников». И ничего-то вроде бы в них не происходит, никаких приключений, а всего-то высветится один-единственный поворот дороги, озарённый философским афоризмом отрезок Пути. И тогда ясно видишь своего Бога в озере-иконе, старичка, идущего по воде, не замочив пяток, легко прочтёшь муравьиную грамоту на берёзовом стволе. «Лишь сполна наглядевшись на дела этого мира, человек начинает ощущать тягу к странствиям в других, более совершенных мирах. Вот тогда-то и рождается в человеке отшельник».

Живущие на земле отшельники наиболее близки жителям небесного Ладограда — своим просветлённым восприятием жизни. А если и пишут стихи, то не ради славы и признания,

а чтобы бросить потом в Волгу с отвесной скалы — а какая их ждёт судьба, оно им неинтересно: чайки ли прочтут, рыбы ли, или выловят люди с проплывающей баржи. «Сила Бога, пребывающая во всём, должна быть и в строчке, даже в самой обыкновенной».

Носить в себе свой храм. Уметь превращать время молитв в золото духа. Утопить в реке корзину со своим положением, званиями, наградами и облегчённо вздохнуть: «Быть никем в этом мире под силу далеко не всем!»

«Тебе известен тот Путь Молчания, которым я иду. Он самый, пожалуй, трудный, но он — мой. И на этом Пути мне требуется всё меньше и меньше слов, чтобы выйти за пределы слова. И однажды, мой друг, ты получишь от меня лишь чистый лист бумаги». Снова слёзы радости, снова смотришь на небо или в свою душу, чтобы услышать голос Бога. А он может явиться и в крике утки, и в тишине...

Когда заблудишься в своём лесу, начни собирать цветы, и тогда непременно набредёшь на тропинку, которая выведет тебя к дому.

Всему нужно созреть, до краёв наполниться песней радости, тогда и звучать она будет особенно: «Собирать листья ежевики следует непременно в августе, когда ягода поспела. Тогда по всему кусту разливается радость исполнения своего предназначения, и куст поёт». «Радость отшельника, если хорошенько к ней приглядеться, не похожа на радость людей. Она не зависит от хрупких внешних условий, а живёт в нём послем вечности, имеющим безграничные полномочия. Радость отшельника чиста, как ручей, и всеобъемлюща, как небо над головою. Источником её может равно служить и звезда, и пылинка. Учение отшельников, если таковое существует, можно по праву назвать Учением Радости».

И если золотая бадья детства пуста, если зрелость собирает по одной росинке на цветке, то только в старости глаза слепнут от света: «Так ярко горит в ней зелёным

огнём древнее урочище Жигулей! Приди и заberi меня, Все-
вышний, когда выйдут сроки, смеюшимся от счастья сле-
пым». Только дошедшим до конца земного срока открывает
секреты голубиная книга.

А пока художник и творец идёт по своему Пути, пока
он ищет просветление, следом за ним летят новые мифы
и новые молитвы.

О, неба невесомый монолит,
Ты — голубое зарево молитв,
Творящихся людьми в любом краю.
Прими молитву скромную мою.

ПРОГУЛКИ И ПУТЕШЕСТВИЯ

С ЛЮБОВЬЮ К АДМИРАЛТЕЙСКОЙ СЛОБОДЕ

Когда вы горите желанием осмотреть Храм защитникам Казани, что на острове, в середине Кировского моста, то непременно окажется, что храм закрыт на реконструкцию. Но это отличный повод совершить кругосветное путешествие — обойти вокруг островка. Алфёровский гений проглядывает по верху и в просветы ограждения, запрятанного в островной зелени. Коряга из корней, притворившаяся чудовищем. Живописные громадные камни, на которых наверняка по ночам отдыхают русалки. Утиный выводок, плывущий по своим утиным делам. Рай для рыбаков.

В Адмиралтейской слободе Кировский мост уступает свои права Кларе Цеткин и местному железнодорожному мосту, который взирает на прохожих с высоты своего положения. Из-под моста навстречу бежит сине-белая часовенка, удерживаемая за плечо старой котельной.

На улице Столярова гипсовая женщина и гипсовый школьник долго и безуспешно просят подвезти их хотя бы на пятьдесят лет назад. Придорожный парк фонтанирует зеленью и скульптурой молодой матери с кувшином в руке. Мать умывает двоих малышей, а те всячески уворачиваются от водяных струй.

Вековая часовня при Адмиралтейской больнице закрыла глаза, сквозь персиковую пудру кирпича просвечивает мертвящая белизна впалых щёк. На входной двери белеют листки нетрудоспособности.

Карта Казани подмигивает Брюсовским глазом. Старые резные деревянные домики почти вросли в землю, иные пря-

чутся за палисадники с золотыми шарами, чтобы не видеть бетонных заборов, за которыми важные обитатели возводят пафосные дворцы.

Выходим к Казанке. Зброшенное мусульманское кладбище на берегу светло и безучастно взирает на проплывающие баржи и моторки. Подводные травы цепляются за ноги, но стоит оттолкнуться — и попадаешь в стихию воды и неба. Красный бакен долго любезничает с двумя чайками.

Белая ваза фонтана в Адмиралтейском саду изнывает от жажды. Двухсотлетний одутловатый тополь задумался посреди дороги: можно ли объять необъятное?..

Оседлав мост, шагаем через железнодорожные пути и выходим на Широкую улицу. Пока я изучаю, насколько она широка, спасительная колонка дважды наполняет водой пластиковую полторашку.

Трёхэтажные домики на Кожевенной раскраснелись кирпичом, звёздами на воротах и мозаичными панно с подвигами пожарных.

Горбатый мост закрылся от посетителей, но два ушлых путешественника пролезают под перегородкой и протискиваются сквозь зазор. Мост прекрасен, как и старое, зелёное от тины девственное русло Казанки. Любуемся вместе с голубями.

Гладилова неизгладима царской статью двухэтажных каменных особнячков, деревянным роскошеством резьбы, Алафузовским театром в четыре башенки-шлема, фасетами льнокомбинатовских окон.

Первомайский Ленин на постаменте, как на броневичке. Правая рука у него предусмотрительно спрятана в карман: не кукиш ли он показывает каким-нибудь ярым националистам?

Пушки у казанского порохового завода в оба глаза смотрят на сияющие купола Зилантова монастыря напротив.

В скромном дворике поодаль — бюст дореволюционного начальника порохового завода Лукницкого. Лукницкий

выписывает нам пропуск в Парк Петрова, встречающий грандиозной Триумфальной аркой по случаю 100-летия казанского казённого завода (1788—1888). Барельефы с военными сценками России всех времён. Ощетинившаяся реактивными снарядами «Катюша». Замечаем невдалеке две скульптуры — мужскую и женскую — колоритной восточной наружности. Судя по тому, что каждая из них стоит в ладье, это шахматная фигура. Спору нет — тоже боевая единица.

Встречные чёрные очки, не моргнув глазом, очертили дужками нужное направление, и через пять минут мы спустились к старому руслу Казанки. Дикие берега, вопиющая зелень! Конструкция из нескольких укрытых листьями прожаривших труб, облагороженная подобием ворот, соединяла два берега. Мы с радостью первооткрывателей прошли по шаткой поверхности, запечатлев себя во вратах и на восхитительном скелете моста. Нырнули в лесную тропинку и спустя полчаса вынырнули у подножия Зилантовой горы. С вершины улыбалась монастырская колокольня, прощая все грехи за этот проделанный путь.

В шестом часу вечера волны Казанки вблизи Кремлёвского моста массировали уставшие ноги, к которым постепенно возвращалась чувствительность. Внезапно небо потемнело, в воздух поднялась туча песка, вид на Кремль и Кул Шариф заволокло серой пеленой, а на наш коврик посыпались жёлтые листья. Чайки безумно сновали над головами. Одинокая утка металась между берегом и волной. Однако вскоре всё стихло и солнце, куражась, дохнуло лучами в разрыв облака. Между тем мы уже перемещались по песчаной дорожке вдоль моста. Забетонированные ступеньки спускались прямо в воду, к камышам. Ступая на Кремлёвскую набережную, увидели, как под мост торжественно вливалась баржа, снисходительно позируя десяткам устремлённых на неё объективов.

С любовью к Адмиралтейской слободе...

ГОЛУБОЕ ОЗЕРО

Температура воды на Голубом озере круглый год 4 градуса. П-п-приятно ос-с-с-вежает!

Свет мой, зеркальце, скажи... Небо, как девица: обожает смотреться в воды Голубого озера. То смеётся, то хмурит бровки. С зонтиком и без, в голубом и пепельном — во всех нарядах прекрасно.

Деревянная тема Голубого озера. Длинная изгородь из жердей обозначает русалочьи владения. В полночь хозяйка сбрасывает деревянную кожу и ныряет в роскошную синь озера.

Ей хоть бы что, это у нас деревенеют ноги на пятой секунде.

Впрочем, об этом быстро забываешь. Идущие навстречу радостно улыбаются, и ты улыбаешься в ответ.

Отдыхая на лавочке, стоящей прямо у воды, на деревянном помосте, хорошо любоваться игрой голубого и зелёного.

Первые капли дождя загоняют под уютный навес домика, чьи жёлтые стены приглашают оставить автограф на память.

2016, август

УЛЬЯНОВСК

Ульяновск-Симбирск — это на самом деле Ленино-Карамзинск. Улица Ленина впадает в переулок Карамзина, каменный Владимир Ильич любит музю Николая Михайловича (сам Николай Михайлович спрятался в нише), а в фойе областной научной библиотеки имени Ленина посетителей встречает бюст Карамзина. Неподалёку — огромный Ленинский мемориал, а чтобы Карамзину было не обидно, его имя присвоили местному аэропорту.

Самые яркие впечатления, пожалуй, это улочки старого Симбирска. Где-то в городах безжалостно сносят целые

деревянные кварталы, а здесь на каждом шагу очаровывает деревянное кружево всех цветов радуги — настоящая выставка древних мастеров-умельцев. Что там дома — сохранены даже деревянные заборы!

Размах ульяновских памятников — от массивного бронзового основателя города Богдана Хитрово, чугунного Гончарова, краснокоричневого Нариманова, стального симбирского водовоза до аллеи гипсовых пионеров.

Ульяновская набережная называется Венец. С неё виден Императорский двухкилометровый мост через Волгу, верой и правдой служащий ровно век. Километрах в пяти от него построили Президентский, тринадцатикилометровый.

Город любит книги и буквы, ставит им памятники, составляет из букв слова, из слов мысли, записывая их не только на асфальте (что неудивительно), но и на стенах домов, причём это не художество прохожих, а дизайнерский ход!

Владимирский сад с первым городским фонтаном. Тройные лавочки: в центре будто трон с гербом Симбирска и два широких крыла по обе стороны — левое и правое крыло власти?

Шли по Карла Либкнехта вдоль краснокирпичного здания с колючей проволокой — подумали, тюрьма — ан нет, оказалось, главный корпус симбирского казённого винного склада. Традиции соблюли — сейчас здесь ликёро-водочный комбинат. Неподалёку из красного же кирпича — здание бывшего духовного училища и бывшей богадельни. Вспомнилось похожее соседство двух зданий на подъезде к Буинску: «Спиртзавод» и «Служба спасения».

Спасо-Вознесенский кафедральный собор — бело-голубая птица. Рядом с главным храмом — деревянная, канареечного цвета Всесвятская церковь. В комплексе — памятник создателю Святому Блаженному Андрею, покровителю Симбирска, и два некрополя — один с каменными надгробиями знаменитых людей, второй — с табличками порушенных храмов.

Мост через Свягу в районе улицы Минаева увешан флаж-

ками-триколорами. Туда-сюда радостно снуют трамваи, мчатся авто, ульяновский универ следит за ними в сто квадратных глаз. А под мостом — дикий уголок: коряги, рыбаки.

Горожане считают, что Ульяновск — большая деревня, не понимая, какое счастье — иметь первобытные территории, девственные переулочки, дышащие стариной домишки. Оно, конечно, можно было бы всем этим распорядиться по-иному, но уж лучше так, чем очередная ресторация или автостоянка.

2017, май

ИЖЕВСК

Главная ижевская вертикаль — монумент Дружбы народов. Народная мудрость увидела в этих высоченных парных стелах экипировку известной лыжницы-землячки, да так и окрестила: «Лыжи Кулаковой».

На набережной — скульптуры из тазов, ложек, кастрюль и прочего металлолома. Внушительная корова, велосипедист, побеждающий змея, оружейник с Калашниковым, знаменитый мотоцикл «Иж» и многое другое.

Ижевский музей стрелкового оружия имеет сквозной — навывлет — вход. Можно зайти с любой стороны диагонали и даже просто выйти через него на другую улицу. У входа — двухметровый чугунный Калашников. Внутри множество экспозиций. Винтовки, пистолеты, пулемёты, военные головные уборы. Можно облачиться в плащ-палатку и посидеть в блиндаже, своими руками сложив почтовый трюгельник с только что написанным посланием ветеранам...

Деревянные домики Ижевска отделаны причудливой резьбой. Потрясающе красива Успенская церковь: лёгкие, ажурные, невесомые кружева на главном деревянном храме словно продолжаютя на каменных пристройках.

Александро-Невский собор, первая четверть 19 века. Вид на него открывался прямо с балкончика нашего хостела. Строгий русский классицизм. Голубиное царство у входа и старик-бомж, надевающий портки прямо на ступеньках храма.

Михаило-Архангельский собор на Красной площади (да-да, такая есть в Ижевске!) считается самым главным и самым красивым городским храмом. У памятника Петру и Февронии — одноимённая часовня. Из должностей мужей к жёнам: «Хотя и должны любить мужья жён своих, но пленяться любовью их и без разума им угождать не должны». Из должностей жён к мужьям: «Жёны, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе».

Посидеть с Кузубаем, подивиться пузатому небоскрёбу и оказаться в первомайском водовороте. Мир, труд, май и свободу вероисповеданию!

2018, май

ДАГЕСТАНСКИЙ ДНЕВНИК

Миясат Муслимовой

Махачкала

В Махачкале, сойдя с поезда, первым делом вы увидите джигита на коне. Надпись гласит: Махач Дахадаев. Это герой гражданской войны, в честь которого и названа столица Дагестана, до этого носившая имя Порт-Петровск. Пётр Первый, бывший в этих местах во время персидского похода, тоже увековечен в камне. Бюст осударя расположен на проспекте собственного имени. Ещё один всадник символизирует народного лезгинского героя в доспехах, защитника отечества с южной стороны города. Популярны памятники поэтам: так, например, перед зданием Театра поэзии на-

против друг друга стоят Пушкин с томиком стихов и крестивший на груди руки Расул Гамзатов — два великих классика двух литератур. В сквере Дружбы на бронзовой скамье восседают народная поэтесса Дагестана Фаза Алиева, а на Родопском бульваре раскрыл бронзовую книгу народный лакский поэт Юсуп Хаппалаев. Памятник детям уравнивается памятником русской учительнице, посвятившей себя служению дагестанскому народу. Ведь в республике 14 государственных национальных языков, и русский выступает основным средством общения. Не обойтись без памятников Ильичу, партийным боссам, героям войн, деятелям культуры. А мы, возвращаясь из очередного путешествия по окрестностям Махачкалы, неизменно называли таксисту опознавательный знак, возле которого нужно свернуть в сторону моря: «Мужик в шляпе в зарослях кукурузы». На самом деле это вовсе не Хрущёв, а очень похожий на него председатель дагестанского колхоза в окружении пшеницы. Интересно читать город по памятникам!..

Идёшь по Махачкале, любишься архитектурой, в большинстве шедеврами конструктивизма, реже старинными купеческими особняками, и вдруг ненароком заглядываешь в какой-нибудь проулок или арку. Боже мой — а там крошечный дворик, крылечко, носочки на верёвке развешаны. Совершенная прелесть!

Миясат вручила нам букеты алых и белых роз уже при встрече у Дома поэзии. Он же Театр поэзии, вот такое красивое двойное название. Зал торжественный, оформленный в красно-золотых цветах, и одновременно камерный. Разложили книжки, казанские издания, и нас ненадолго выкрали на телеинтервью. И вот сцена. Напротив десятки заинтересованных глаз. Что-то казанцы сейчас скажут, что прочтут, чем запомнятся... Кажется, читали вдохновенно...

Южный город цветёт и благоухает. Кусты выше человеческого роста с гроздьями красно-оранжевых колокольчиков...

Нет, название камписис совсем не подходит для этого чуда, а вот бигнония — другое дело: по-женски ярко и плодородно. Вот деревце, сплошь усеянное розовыми бабочками. Ах, это цветы? Гибискус — скажет ботаник. Поэт возразит: китайская роза. Отыскав подобное с белыми бабочками, воскхитится: сирийская мальва — настоящая невеста на этом празднике цветения!

Нигде я не видела такого количества кошек на улице, как в Махачкале. Можно даже сказать: этот город — кошачья мекка. Коты захватили дороги, магазины, лавочки и винные погребки. Псы низвергнуты под лавки и сосланы на пески. «Собака — это проза. Кошка — поэзия». (*Джин Берден*)

Озеро Ак-Гёль в центре Махачкалы когда-то было частью Каспия, но море обмелело, а намытая коса стала границей озера. Со всех сторон его окружили новостройки, откусывая по кусочку от берега. Устояла только восточная набережная, желающая стать парком «Ак-Гёль». Здесь расположен уже упоминаемый 10-метровый памятник русской учительнице, а под ним — музей истории Махачкалы. Неподалёку взгляд выхватывает недостроенное здание в форме корабля. Издали кажется, что по озеру плывёт корабль-призрак. Где твои паруса, Летучий голландец?

Тарку-Тау

Махачкала — словно младенец в люльке. С одной стороны его убаюкивает Каспийское море, с другой — надёжно удерживают горы Тарку-Тау. Младенец (а по меркам городов это действительно так: Махачкале всего 160 лет) быстро растёт, до Каспия осталось каких-то 15—20 километров, а по мнению многих, тот давно уже пригород Махачкалы. На восточном склоне Тарку-Тау, как эквилибрист, стоит древнее селение Тарки. Впрочем, это тоже давно пригород столицы. С плато Тарку-Тау можно бесконечно долго любоваться городом...

Каспий

Каспий, ежедневно меняющий цвет. Волны, несущие воды такой силы и круговерчения, что кипящими в них песчинками, камушками и ракушками можно буквально порезаться. Но нет ничего азартнее, чем успеть подпрыгнуть на волне, пока она не захватила тебя в своё верчение. Вся прелесть Каспия в этих волнах!

Сулакский каньон

«Завтра мы едем в Сулакский каньон», — сказала Миясам. Воображение тут же нарисовало виденные когда-то по телевизору каньоны где-нибудь в Южной Америке. Действительность оглушила и вознесла... сначала на высоту, а потом на глубину 1920 метров. Над нами парили орлы, далеко внизу меж крутых склонов извивалась бирюзовая змейка реки. А потом катерок, до отказа набитый страждущими, весело лавировал между сулакскими скалами. Здесь же, на берегу, я нашла камень с отпечатком ракушки, достойный геологического музея...

Сад в Миатли

Водитель Абдурахман непринуждённо ведёт машину по горному серпантину, объясняя что-то про Миатли и Зубутли. Названия аулов приятно перекатываются камешками в водах Сулака. И вот мы в Миатли — селении на горном склоне (а горы здесь обитаемы на любой высоте!). И не просто в селении, а в райском саду, где растут персики, виноград, абрикосы! Ещё 30 лет назад здесь ничего не было, а теперь настоящий фруктовый эдем. Хозяева — Камал Салманов, его отец и младший брат — идут в ногу со временем: этот сад — часть туристического маршрута с возможностью собственноручно сорвать и отведать

любые плоды, угоститься национальными блюдами и душистым чаем, побеседовать с хозяевами, побродить по саду... Говорят, в этих местах бывал Лермонтов и происходили события, которые Лев Толстой описал в «Кавказском пленнике»... Миясат выбрала для нас самые лучшие маршруты...

Дербент

По дороге в Дербент наше внимание обратили на гору вблизи Избербаша. При определённом ракурсе она становится... профилем великого русского поэта! В народе гора так и называется: Пушкин-Тау.

И вот мы в самом южном и самом древнем городе России! С возрастом Дербента вообще вышла запутанная история: на магнитиках и прочей сувенирной продукции пишут, что городу 5000 лет, но не так давно дотошные археологи омолодили город на целых 3000 лет. Зря они это сделали, считают дербентцы.

На холме возвышается крепость Нарын-кала. 6 век нашей эры. По обеим её сторонам — крепостные стены трёхметровой ширины, уходящие прямо в Каспийское море. Уникальная архитектура... Одна беда, реставраторы явно перестарались: всё-таки свежеспиленный кирпич — это не бутовый камень в материнской кладке...

Внутри крепостных стен, ведущих от цитадели Нарын-кала до Каспия, и располагался древний Дербент. Между Северной и Южной стеной расстояние порядка 300—400 метров, а длина этого «коридора» три с половиной километра. «Старый город» поделён на кварталчики-магалы. Улицы узкие, извилистые, лабиринтообразные — в этом тоже особая хитрость — запутать врага в случае нападения. «Магалы, древние магалы», — с любовью ностальгируют местные поэты.

Восхитительная Джума-мечеть в центре старого горо-

да — старейшая в России и на территории СНГ. На входе мне дали национальный халат с капюшоном, и так в нём было хорошо и уютно, что хотелось долго-долго бродить по мечети, рассматривая её убранство, стрельчатые арки, доски с изречениями восточных мудрецов... Но на лавочке во внутреннем дворе мечети, в тени многовековых платановчинар меня уже ждали мои спутники...

За участие в восстании на Сенатской площади декабриста Бестужева-Марлинского сослали сначала в Сибирь, а потом в Дербент. Видимо, для контраста ощущений. В двухэтажном доме конца 18 века сосланный жил и работал 4 года. Говорят, писатель быстро овладел местным языком и по следам историй дербентцев сочинял свои вдохновенные рассказы и повести. В доме сохранилось много подлинных предметов; кажется, потолки и центр пола настоящие, вековые. Устроители музея даже рискнули расположить в углу одной из комнат надгробную плиту с могилы любимой девушки писателя!

На стене — портрет уроженца Дербента Мухаммеда Али Казем-Бека, удивительным образом связанным с Казанью: он был почётным доктором Казанского университета, вёл занятия в Казанской гимназии и университете по арабскому и персидскому языкам, был знаком с профессором Карлом Фуксом и ректором университета Лобачевским.

Гуляем по старому Дербенту. «Обратите внимание, — говорит Миясат, — почти всё здесь построено из местного желтоватого камня. Натуральный ракушечник, такого больше нет нигде». Сквозь арки и проёмы заглядываем во внутренние дворики, где играют дети, любуемся армянской церковью 19 века. Серый дербентский кот степенно идёт по своим кошачьим делам, но быстро сворачивает в подворотню, завидев торговца шкурами. Тот нахваливает товар, разрешая пошупать и примерить. Целая улица называется Площадь Свободы. И в Дербенте, и в Казани Свобода — с большой буквы. Ну и как в любом уголке

Дагестана, здесь летят в камне и бронзе гамзатовские журавли...

На улице Ленина нас остановили трое местных жителей в бронзовых пиджаках и шляпах. Может быть, даже литераторов. В ответ на наш вопрос указали бронзовым зонтиком на угловое здание. Это и оказалась Центральная библиотека, где нас уже ждали дербентские писатели. К взаимному удовлетворению обменялись поэтическими читками. Звучала табасаранская, азербайджанская, русская речь. Свежо и чисто звенело: «Табасаран — но пасаран». И был эмоциональный разговор о национальных литературах, в сохранении которых немалая роль отводилась именно поэтам. Мы очень хорошо это почувствовали. Уникальное разнообразие языков Дагестана предстало перед нами калейдоскопом, где важен каждый элемент, каждый камушек-стёклышко, маленькое или большое. Только в этом единстве возможно всё богатство узоров.

И мы окунались в южные воды Каспия. Плыли по песчаному морю, мимо сфинкса и семи греческих колонн. Складывали в сумки впечатления и облака, снятые с дербентского маяка... До свидания, древний удивительный город, подаривший нам с нашим прекрасным гидом Миясат целый день... День, достойный бирюзы моря и неба...

Сары-Кум

«Смотри, больше не закапывайся!», «И называйте меня просто — товарищ Сухов!». Именно здесь, на бархане Сары-Кум, в тридцати километрах от Махачкалы, и снимался культовый фильм «Белое солнце пустыни». Как вообще оказался этот громадный барханище, единственный в России (второй в мире по размерам!), посреди зелёной степи у подножия гор? Четырёхкилометровой ширины, бархан тянется на 12 километров, а гребень его гордо возвышается на 250 метров. Кое-кто считает, что огромную тучу песка

принесло из Средней Азии. Другие уверены, что это выветрился песчаник из окрестных гор. А третьи утверждают, что это вулканический песок. Местность здесь подвижная, в 1970-м с лица дагестанской земли землетрясение стёрло 22 населённых пункта, один из них — село Кумторкала, лежащее как раз вблизи бархана. Заброшенная железнодорожная станция подслеповато взирает на путешественников. По деревянной дорожке восходим на бархан, преодолевая путь около полутора километров. Длинноволосые травы чертят на песке магические круги, а наверху, почти у цели, бархан неожиданно радует взор россыпью жёлтых цветов. «Пустыня бросила к нашим ногам цветы!» — радостно восклицает Миясат. Ура, мы на вершине! Вечереет. Песок, днём раскалённый, ласково обволакивает ноги. Я сбегая по склону в песчаную чашу, ступаю туда и сюда, пытаюсь ногами и взором объять необъятное, наконец, возвращаюсь наверх к своим спутникам и падаю в изнеможении на песок. Господи, как хорошо! Закатное солнце посылает прощальные лучи...

Было уже темно, когда мы спустились с бархана. Смотритель Сары-Кума заманил нас в музей флоры и фауны. От его жаркой речи ожили бабочки под стеклом, заиграл песками мини-бархан, поднял морду кабан, приосанился волк, чутко вскинул рога дагестанский тур... Мы распахнули дверь в южную ночь. Водитель Муса терпеливо ждал нас у машины...

Перевалы

Утро мчалось в маршрутке к перевалам, сдвигало и раздвигало горные хребты, кружило по серпантину, касаясь плечом скальных выступов и роняя в пропасть камни... Буйнакский перевал очень опасен. Когда-нибудь здесь построят тоннель. Может быть, такой, какой ждёт нас впереди — Гимринский. Уникальный, пробитый на глубине 800 метров,

оборудованный сейсмической лабораторией, самый длинный в России — 4 километра 300 метров! Говорят, две его части — со стороны северного и южного порталов — при проходке соединились идеально: настолько точны были расчёты... Горная дорога может показывать фокусы. Водитель маршрутки останавливается на подъёме в гору и выключает мотор. Мы настороженно замираем: машина сейчас покатится вниз! Но почему-то, вопреки всем законам гравитации, мы движемся вверх! Это просто уму непостижимо!.. Скалы, наполовину закрывающие небо... Зеркало Ирганайского водохранилища в резной оправе гор... Останавливаемся в придорожном кафе. С веранды, увитой виноградом, открывается живопись...

Салтинский водопад

В Дагестане я впервые, или точнее будет сказать, заново услышала слово «теснина». Вода рассекает камень, образуя очень узкие каньоны. В Карадахскую теснину мы не попали, она осталась на языке загадочным звучанием, а вот Салтинская — осязаемой всеми органами чувств. От селения Салта шли по каменистому дну горной речки, зажатой меж отвесных скал, по щиколотку в ледяной воде, карабкались по скользким валунам, смыкавшимся над головой до узкой полоски неба, а потом и вовсе оказывались в пещере, преодолевали ступеньки и гроты... И не могли оторвать глаз от воды и света, низвергающихся сквозь круглую извилистую каменную воронку — единственное отверстие в полутёмной пещере. Можно спуститься с верхнего яруса, зайти в прозрачную воду — с разных ракурсов она бирюза или золото — и даже искупаться, правда, в ледяную Салтинку рискнули броситься только местные мускулистые смельчаки. Уникальный (о как часто это применимо к Дагестану!) подземный водопад, единственный в республике!

Гуниб

Село Гуниб — святыня для дагестанцев. Место последнего прибежища имама Шамиля, национального борца за свободу. Дома, подобно ласточкиным гнёздам, расположены от подножья и до верхнего плато высотой около двух тысяч метров. Внутри каждого яруса (нижний Гуниб и верхний Гуниб) — обычный посёлок городского типа, с дорогами и площадями. Проезжаем ворота Бяратинского — царского генерала, пленившего Шамиля. Это имя воротам дал Александр II, как и расположенным выше (дипломатия!) Шамилевским воротам. А вот — беседка Шамиля с камнем, на котором Бяратинский ожидал его сдачи в плен. На вершине плато — памятник гамзатовским журавлям, самый первый в Дагестане. Обстановка арт-кафе «Гуниб», где мы остановились на обед, напоминает музейную: в перерывах между национальной едой можно прогуляться вдоль стеллажей и полюбоваться унцукульскими кубками и шкатулками, изделиями из фарфора с ручной росписью, а при желании всё это даже приобрести.

Вот и закончилось наше путешествие в волшебный Дагестан. Увидеть, как растут персики и гранаты, отведать хахари, чуду или курзе, радостно спорить с волнами Каспия... А чего стоят изумительные виды Сулакского каньона, Салтинский подземный водопад, поездки в Дербент и Гуниб, путешествие к бархану Сары-Кум... Горы, горы, горы, бесконечный серпантин высокогорных дорог, горные перевалы и тоннели, города и сёла не только у подножия гор, но и на самых вершинах! И невероятно добрые, гостеприимные, отзывчивые люди... Невозможно описать состояние, когда получаешь в подарок изумительный браслет кубачинского серебра или кубок, выполненный мастерами Унцукула (художественная насечка металлом по дереву). Махачкала, бизроу! Дербент, цуэру! Гуниб, цукун ура? Дагестан, мы тебя любим!!!

2018, август

ПОЕЗДКА В НИЖНИЙ

Сбылась моя мечта: я побывала на родине, где не была больше 30 лет!

В 3 часа ночи высадились в Лыскове, до утра бродили по городу, осматривая храмы. Утром к парому подъехал из Работок мой двоюродный брат Саша. Мы переправились в Макарьев. Зашли в Макарьевский монастырь. Какая красота — 1434 год! Привратница открыла специально для нас Троицкий собор, закрытый для посетителей — и нашему взору предстали древние фрески. Дыхание перехватило от того, что всё это сохранилось. Видно было, что стены и столпы когда-то затапливались водой — примерно на метр восемьдесят. Во время войны здесь был госпиталь, затем ветеринарный техникум...

Дом 5 по улице Ленина, где прошло моё детство. Парадной двери нет, глухой фасад, на втором этаже — пластиковые окна. Там, в другой параллельной реальности, жила и смеялась наша комнатка, топилась печка, во дворе раскачивались качели, которые сделал папа. Мне показалось, красные кирпичи легонько погладили мою ладонь...

Путь в Валки — через лес, мимо Белого бугра — места, где все останавливаются на отдых... Дорога теперь асфальтированная, а раньше в песке были полуметровые колеи. Проехали голубую деревянную церковь у въезда, рядом со старым кладбищем. Здесь похоронена моя бабушка. Детский взгляд сохранил в памяти надпись на входе: «Ты спишь, а мы живём. Ты жди, и мы придём». Почему-то тогда мне казалось, что строки эти были обращены не от живых к мёртвым, а наоборот, и это вселяло в маленькое сердце священный трепет.

Въезжаем в село. Скоро я увижу дедушкин дом.

Машина останавливается в конце соседней улицы — дальше проезда нет. Пробираемся сквозь заросли, осторожно ступая по влажной от недавних дождей земле — а сегодня

впервые за много дней выглянуло солнышко! Говорю брату Саше, что сама узнаю дом.

В просветах высокого потемневшего забора, которого раньше не было, мелькают знакомые очертания. Калитка закрыта. Во дворе появляется человек. С волнением объясняю, что в этом доме тридцать лет назад жил мой дедушка. Хозяин впускает нас во двор, и я припадаю к шерстатому красному кирпичу фасада. Здравствуй, моя радость... Жив-жив, старенький ты мой, держишься ещё. Лишился, правда, правой руки крылечка и деревянной двери, обзавёлся вставными челюстями пластиковых окон... Плачем, обнимая друг друга после стольких лет скитаний... Хозяин выносит из дома старые фотографии — возьмите, говорит, я всё сохранил.

...Прощай, мой дорогой Дедушкин Дом, мой незабвенный, вечный, счастье моё и боль моя...

Валковская школа, где в прошлом веке дедушка и бабушка обучали детишек русскому и литературе, отстроена заново. Новенький кирпич, просторные кабинеты, оснащённые по последнему слову министра образования. Здесь меня уже ждут. Зал быстро наполняется учениками и учителями, некоторые стоят в дверях... Родители этих учителей учились у моего дедушки...

Распрощались с Сашей в Ивановском, погрузились в автобус, идущий до Бора. Нам предстояло по канатной дороге переправиться в Нижний, на другой берег Волги.

Пузатые капсулы с двумя лавочками напротив друг друга вмещают ровно шесть человек. Говорят, когда всё заполнено, не ощущается качки в воздухе. Легко и быстро отчаливаем, плывём на большой высоте — аж дух захватывает. Внизу — маленькие озёра, дороги, Волга с вкраплениями островков и баржами, домики, автомобили — всё кажется игрушечным. Навстречу плывут, покачиваясь, такие же капсулы. Нижегородская канатка — единственная в России и Европе с пролётом над водой 860 метров. А общая её про-

тяжённость 3 с половиной километра. Время в пути около 15 минут. Здравствуй, Нижний!

Город расположен на семи холмах Дятловых гор. Варварская — одна из улиц старого Нижнего, которые лучеобразно расходятся от центральной площади Минина и Пожарского перед Кремлём.

Кремль впечатляющ! По площади, высоте стен, количеству башен (их тут целых 13!) он больше Казанского. Запомнились лесенки — древние, поросшие мхом, их тут великое множество из-за перепадов высот.

Главная достопримечательность — это, конечно, вид на знаменитую Стрелку — место слияния Волги и Оки. Вот тут я родилась у мамы с папой, студентов мединститута, и сделала первые шаги. Справа от Кремля — здание медицинского института, сохранившееся, судя по фотографиям, почти в точности...

Чкаловская лестница, петля восьмёркой, бежит от Нижне-Волжской набережной до Верхне-Волжской и, приобняв Георгиевскую башню Кремля, устремляется к знаменитому лётчику — он специально снимает перчатку для рукопожатия. Поодаль ему немного завидует безрукий бюст князя Минина. Хорошо присесть на лавочку у кремлёвской стены, устремив взор на центральную площадь, где уже разворачивается День бега — лучшие бегуны всех мастей и возрастов получат сверкающие золотом кубки.

А мы вновь устремляемся вокруг Кремлёвской стены, ловя на мушку объектива все интересности и красоты. От Кладовой башни до Никольской, которая высунула язычок лестницы и пробует на вкус соседнюю улицу — Зеленский съезд. Раскинула руки-стены Коромыслова башня — вот-вот побежит за водицей. Тайницкая башня тайно влюблена в Почайный овраг, который, может быть, об этом и догадывается, но виду не подаёт, дымя сигаретой-трубой. Но больше всех переживает набатный колокол, заточённый

за решётку — ему позволено сказать своё слово только раз в году — в День Народного единства.

Церковь Иоанна Предтечи 15 века на Нижнем Посаде кивает золотыми маковками белолицей церквушке напротив. С их благословения Минин и Пожарский вновь и вновь обращают к народу пламенную речь. Говорят, по соседству здесь была знаменитая пивная — лицо и рука предводителя направлены в её сторону.

Старые советские трамвайчики мило тревожат сердце — вспоминаю Самару студенческих времён. Мы было погнались за одним, взбудораженные надписью «Экскурсионный, 25 рублей», но водитель в униформе показал на пальцах, что наш план не возымеет успеха.

Улица Рождественская дохнула на нас благоговейностью табличек «федеральности» объектов. Памятник соляной афере 60-х годов 19 века зазывал прохожих водрузить стопы в галошеобразную обувь и при этом не сесть в галошу, чугунный мальчик из позапрошлого века предлагал с лотка горячие бублики и кренделя, но мы подкрепились чашкой кофе в ресторане «Кабанчик».

Поразил Собор Пресвятой Богородицы с разноцветными куполами, выполненный в красном кирпиче с белоснежными колоннами и лепниной потрясающей красоты. Внутри он был божествен — от этого величия, гения создателя, воспевшего торжество человеческого духа, градом хлынули слёзы. В память о том потрясении со мной остались крохотный серебряный крестик и браслет с миниатюрными иконами девяти святых.

Нижний из-за крутого берега обзавёлся целыми двумя набережными — Нижне-Волжской и Верхне-Волжской. Первая выводит к знаменитому Канавинскому мосту, за которым виднеется мост на Бор, а за ним — дублёр Борского моста. Говорят, он почти сдан в эксплуатацию — губернатор промчался по нему со стаканом в руке и ни одна капля (воды?) не пролилась. С Канавинского моста виден Невский

храм, жёлтый, как сердцевина яичка. Здания Нижне-Волжской набережной даже с зияющими кое-где обвалами кирпичей и штукатурки выглядят вполне эстетично и придают достоверности 800-летнему Нижнему (город основан согласно летописям в 1221 году). Увидела на вывеске название одной из остановок — «Площадь Свободы», и в душе разлилось тепло: такая площадь есть и в Казани, и в Тольятти.

Напротив Волжского пароходства бодро шагают три бронзовых матроса — герои волжской флотилии времён революции и гражданской войны.

Культовое здание Нижполиграфпрома, построенное в начале 20 века, «характерный образец архитектуры рационалистического модерна», в прошлом было Домом трудолюбия.

Мы двинулись по вечерней Покровке в компании файершоу, кудрябиков и всевозможных памятников — городовому, чистильщику обуви, фотографу с собачкой, добролюбовскому брюкам и ботинкам, нижегородской козе, Евгению Евстигнееву, юному скрипачу без смычка, благородной паре без рук, даме с девочкой, девице у зеркала, почтальону и ещё бог знает кому. Впечатлительные жители и туристы могут выразить свои эмоции (нигде такого не видела!), воспользовавшись кнопкой на уличном оранжевом ящике.

Утро вывело нас на Верхне-Волжскую набережную к купеческим особнякам и многоэтажным громадам авангарда прошлого века. Белым царственным лебедем летел над всеми № 7 — главный дом усадьбы Рукавишниковых. Атланты, кариаиды, львы, прекрасные девы и младенцы, вазы и кубки, причудливые орнаменты. Неопишуемая красота и воспитание чувств!

Подобно лётчику Нестерову, стоящему на высоком пьедестале, набережная сделала крутой разворот, превращаясь в Казанский съезд.

Мы вышли на Большую Печёрскую и попали под обаяние деревянных домиков, украшенных резьбой.

Поворот на Печёрский съезд, закрытая часовенка и — вот он, объект нашего вождения ещё со времён полёта в борских капсулах канатки — Вознесенский Печёрский монастырь 14 века. Здесь можно бродить весь день, огороженный высокими кирпичными стенами, он — словно изолированный городок со множеством церковных строений, арочек, лесенок, коридоров. Скворечники в виде птичьих храмов, бронзовый фазан на клумбе с хвостом из буйной малиновой растительности, миниатюрные плакучие берёзки, небольшой некрополь. С тайной радостью первооткрывателей мы совершили путешествие по крепостной стене и, счастливые, уходя, признались себе, что здесь, на нижегородской земле, было бы неплохо поселиться.

Бродим по улочкам. Церквушка с памятником преподобным святым — Макарию Желтоводскому и Евфимию Суздальскому. А вот и скромный, но добротный домик Петра I. Кажется, что деревянная крыша отливает на солнце золотом.

Почаинская улица, делящая название с оврагом, завершается каменным трёхэтажным домиком с вогнутым фасадом. Через арку электрических витаминов — к святому источнику чудотворца Алексия, что близ Благовещенского монастыря. Задняя его часть ещё не отреставрирована и кажется заброшенной. Тем чуднее внезапно услышать перезвон колоколов.

Последние кадры — как фотовспышка: ослепительный Канавинский мост в огнях, полёт с Жюлем Верном на воздушном шаре...

До свидания, Город! Мне кажется, мы ещё встретимся!

2016, сентябрь

СОДЕРЖАНИЕ

О поэзии Галины Булатовой	3
---------------------------------	---

ВСЁ ЭТО Я

Десятое лето	6
Аве Марина	7
Пушкин	8
Молчание	9
«Не хочется о мелком. Преходящи...»	10
Неенная	11
«Господня ложка мешает в банке...»	11
Время синих стрекоз	12
Осенняя элегия	13
Юбилей	14
«Готовимся к примерке...»	15
«Плывёт Земля, вращается...»	16
«Тонко синица тинькнет...»	16
Лунный кот	17
Несоединимое	18
Квадратный снег	18
<☉>КН<☉>	19
Закат из окна поезда	20
Сергею Брелю	21
Байкал	22
Симбирск	24
Чистополь	25
Дочке в день рождения 12 декабря	26
«Блаженная мати Матрона...»	27
«Сосёнка, схваченная оградкой...»	28
Из ненаписанной поэмы	29
«Ты знаешь, Нижний строит мессы...»	30
Томас Данн Инглиш. Любовь Психеи	31
Алексей Гаджиев. Рубау	32

ИЗ КНИГИ «СИЛЬНЕЕ МЕНЯ»

Дворцы городов	38
----------------------	----

Горошина	39
У полдневной реки	40
Суламифь	41
«Мне снилось: над степью и Волгой...»	42
Шмель	43
Был человек — и нет	44
Поэзоотерика	45
Март	46
Сызрань	47
Елабуга	48
В зените	49
На отмели времён	50
Доидя до точки невозврата	51
Волга, Вятка, Ока и Кама	52
Дедушка мой Булатов	54

ЯБЛОЧКО НА ТАРЕЛОЧКЕ

Семейная сага	56
И первое «можно»	95
Прославить жизнь	100
Мальва	101
Мур-мемуары Марфы	102
Грибная пирушка	104
Братья и сестры	105
МРТ	106
Хвостик	106
Пальтецо	106
Каков!	107
Мистика, да и только	107
Дирижёр	107
Пушкинолюбцы	108

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Читая великую душу творца	110
«Стихотворения» Эдуарда Учарова	115
Наиль Ишмухаметов. «В поисках неба»	120
Истинные Жигули Игоря Муханова	126

ПРОГУЛКИ И ПУТЕШЕСТВИЯ

С любовью к Адмиралтейской слободе	136
Голубое озеро	139
Ульяновск	139
Ижевск	141
Дагестанский дневник	142
Поездка в Нижний	152

Литературно-художественное издание

Булатова Галина Ивановна

Я, БОГ, ЛЮБОВЬ И ОКО

Казань. Издательство «Ак Буре». 2019

Редактор *Г. Ф. Хайдарова*

Корректор *И. И. Хабибрахманова*

Компьютерная вёрстка *Т. В. Гредюшко*

16+

Знак информационной продукции согласно ФЗ
от 29.12.2010 г. № 436—ФЗ.

Оригинал-макет подписан в печать 3.10.2019.

Формат 70×108 ¹/₃₂. Печ. л. 5,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ак Буре». 420064. Казань, ул. Г. Ахунова, 20.

e-mail: info.akbure@mail.ru

Тел. : +7(966)240-52-01

+7(987)290-61-55

АО ИПК «Чувашия». 428019. Чебоксары, проспект И. Яковлева, 13.

Галина Булатова родилась в Горьком. Живёт в Казани.

Автор книги стихов и поэтических переводов «Сильнее меня». Организатор литературных проектов, в т.ч. учредитель премии «ДИАС», посвящённой казанскому писателю и философу Диасу Валееву. Лауреат международного поэтического конкурса Премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия», победитель и призёр ряда конкурсов поэтического перевода. Публиковалась в журналах «Звезда», «День и ночь», «Юность», «Сетевая словесность», «Аргатак. Татарстан», «Идель», «Казанский альманах», «Нижний Новгород», «Дальний Восток» и др. Стихи переведены на сербский язык.

9 785604 336021